

Константин
Фрес

Неужная
жена.
РЕЦЕПТ ЛЮБВИ

Константин Фрес

Ненужная жена. Рецепт любви

<https://litres.ru/74203574>

Аннотация

КНИГУ В БУМАГЕ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ НА ОЗОНЕ И НА ВАЙЛБЕРРИЗЕ!

Я умерла и попала в другое тело. Теперь я не безнадежная умирающая, а молодая женщина в средневековом городке. Муж мой, красавец и щеголь, промотал мое приданое и вздумал жениться на богатой красотке. А меня, больную, безжалостно выгнал на мороз, да еще и с ребенком на руках!

Теперь я не верю ни в людей, ни в любовь. Никто мне не поможет. Рассчитывать я могу только на себя. И мне придется бороться и много работать, чтоб мы с малышкой выжили и нашли свое счастье.

Содержание

Глава 1. Лишние рты	4
Глава 2. Убежище	17
Глава 3. Тайна Лиззи	51
Глава 4. Мыло и ножка от стула	67
Глава 5. Аптекарская наука	84
Глава 6. Аптекарские успехи	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Глава 1. Лишние рты

— Вы не можете так со мной поступить!

— Не могу?! А кто мне помешает?

Старуха у жарко пылающей печи смеется, уперев руки в боки.

Впрочем, какая старуха. Клотильда еще крепкая женщина. На ее лице совсем немного морщин, оно свежее и румяное. Волосы ее сплетены в косы и аккуратно уложены на голове веночком.

И одевается она как молодая. А сегодня даже принарядилась. Надела свежий льняной фартук с кружевами поверх темно-синего платья.

Празднует избавление.

Избавление от меня!

— Я, — как можно тверже говорю я, хотя от слабости меня шатает, — жена вашего сына и хозяйка этого дома. Вы не имеете права...

— Хозяйка? — Клотильда снова расхохоталась, перебив меня. — Что-то я не припомню, чтоб Жан велел мне тебя слушаться во всем. Наоборот. Уезжая, он все мне оставил. Так и сказал: «За всем ты присматривай, матушка. Все в твои руки вверяю!»

— Это потому, — шепчу я, качнувшись и уцепившись рукой за стол, чтоб не упасть, — что я была беременна...

Глаза старой злобной ведьмы вспыхивают недобрым торжеством.

— И где же ребенок? — елеиным голоском спрашивает она.

Из глаз моих льются слезы. Сплошным непрерывным потоком. Невольно касаюсь плоского, пустого живота ладонью, и старуха клекочет, как стервятник:

— Недоглядела! Уморила сыночка моего Жана! Выносить не смогла! Негодная! Ни на что негодная!

— Вы заставляли меня работать, — шепчу я в отчаянии.

Почему она так жестока? Я потеряла ребенка, а она словно нарочно давит на самое больное. Тычет ножом в раскрытую рану!

Клотильда всплескивает руками.

— А как иначе?! — притворно негодует она. — Не хочешь работать, а лопать хочешь?! А кто тебя должен кормить? Я, что ли?

— Муж, — несмотря на голод и слабость, огрызаюсь я. — Это обязанность мужа, содержать свою жену!

— Муж твой уехал, — огрызается старуха. Теперь она похожа на злобную псину, защищающую от посягательств чужаков двор. — И ничего на твой счет не сказал! Ни гроша мне не оставил! А я что, из своих сбережений должна тебя содержать? Сама нуждаюсь!

Клотильда лжет.

Она уж точно ни в чем не нуждается.

У нее до омерзения сытое лицо.

Красное, с парой подбородков.

На печи кипит наваристая похлебка, а за столом сидят трое упитанных детей — ее детей, разумеется, — и, уписывая суп, похихикивают, глядя на меня хитрыми и злыми глазами.

— Я нуждаюсь больше вашего, — говорю я. Стараюсь, чтоб голос мой был строгим и суровым, но пищу еле слышно, как котенок. — Я больна и голодна. Я еле встала после болезни...

Клотильда фыркает и нервно дергает плечом.

— Ну, встала же, — бросила она небрежно. — Хоть бы спасибо сказала, что не дали тебе помереть. А могли бы вывалить тебя вон в снег, и все.

— Не могли, — теперь зло прорезалось в моем голосе. — Если так, то вас осудили б за убийство.

На это Клотильда смолчала.

— Не скаль мне тут зубы, — отвернувшись к печи и ловко снимая свой котел со вкусно пахнущим варевом, огрызулась она. — Ишь, чем удумала пугать... Жива — уже хорошо. После тебя, заразной, придется всю постель сжечь, да комнату выбелить! Сплошные убытки...

— Я не заразна! Это была горячка после родов...

— Хватит болтовни! — снова огрызается Клотильда. — Сказано тебе — собирай свои манатки и топай отсюда, куда хочешь! Не нужна ты здесь больше.

— Что скажет Жан? — шепчу я в последней надежде.

Клотильда сурово сопит.

— Жан приедет к маю, — отвечает она зло. — Обещался как раз к рождению сына. Вот тогда и узнаем, что он скажет. Это какой-то нескончаемый кошмар.

Я не знаю, что сказать, не знаю, что делать. Не знаю, куда идти.

— Я выйду к людям, — говорю я. — Пожалуюсь... они заставят вас принять меня обратно.

— Поленом тогда хребет тебе сломаю, — шипит мне в лицо эта злобная гарпия. — А всем скажу — упала. Все равно тебе не жить. Не с моими детьми под одной крышей!

Мысли от слабости путаются, и я не нахожу ничего умнее, чем упасть на лавку и вцепиться в стол.

— Есть дай, — рычу, стискивая худыми пальцами скатерть и люто, по-волчьи, глядя на Клотильду. — Если не дашь, сяду на твой порог и умру там. Отвечать тебе придется по закону. Не дожидаясь Жана. И совсем перед другими людьми.

Понимаю, что хочу жить.

До одури боюсь упасть снова в это черное небытие, где гулкая пустота трогает ледяными ладонями.

Я там была.

Я упала туда, когда подумала, что хуже уже не может быть.

В своем мире я была больна. Бездна. Смертельно. И когда мой час настал, я дико хотела только одного — жить.

Как угодно, где угодно, но жить!

Дышать, ходить, работать, уставать... Да даже если и болеть — то бороться!

Я хотела, чтоб у меня был шанс. Я считала несправедливым, что болезнь настолько сильнее меня. Я клялась, что смогу победить что угодно, если у меня будет шанс!..

Вот он какой, значит, этот шанс...

На мои воспоминания теперь наслаивались чужие. Той девушки, что потеряла из-за тяжелой работы ребенка и не перенесла горячки.

Эта Клотильда, истинная ведьма, просто уморила бедняжку.

Нарочно. Безжалостно и планомерно. Словно котенка ненужного утопила.

Отряхнула руки и фартук поменяла, вот и все.

А девушка была слишком юна, слишком нежна и кротка, чтоб возражать и сражаться...

Сколько ей исполнилось? Еле-еле двадцать? Добрая невинная душа.

Кажется, она была сирота, дочь старого аптекаря. Жила себе в долине, работала в саду при аптеке, выращивала цветы и травы, пока не повстречала этого... Жана. На свою голову!

Жан был красивый. Да почему был, он и сейчас такой же. Высокий, черноволосый, холеный. Очаровать-то девчонку он сумел быстро. И еще быстрее — промотать ее небольшое приданое.

Все семейство Жана во главе с его ушлой маменькой жило припеваючи всю осень и зиму. А к весне, стало быть, молодя жена стала не нужна.

— Да подавись ты, зараза! — раздраженно выкрикнула Клотильда, грохнув передо мной миской с похлебкой. Немного, но после болезни больше я и не съем. А силы мне придаст и пара ложек горячего.

Словно волчонок, ухватила я кусок хлеба без спроси и принялась жадно есть горячий суп, чем вызвала еще больше смешков со стороны детей Клотильды.

Им было забавно, что я ем и давлюсь от жадности и спешки. Им было смешно, что еду мне приходится выпрашивать.

И им нравилась власть их матери надо мной.

А сама она была очень недовольна моим своеволием. Но отнять взятый без разрешения хлеб побоялась.

Наверное, ей показалось, что я в руку ей зубами вцеплюсь.

Да я и вцепилась бы. За свою новую жизнь, начатую так странно и неудачно, я вцепилась бы зубами в чью угодно руку!

— Раз жрешь тут бесплатно, — грубо произнесла Клотильда, — с собой эту заберешь. Хватит мне уже кормить тут всяких оборванцев...

Из темного угла она за руку вытащила упирающуюся девочку, грязную и худую, в ношенном старом платье коричневого цвета.

Малышка упрямо и враждебно молчала, глядя большими глазами на Клотильду, и та наподдала ей подзатыльник за этот взгляд.

— Змееныш! — злобно прошипела старая гарпия.

А я чуть куском не подавилась.

Этот ребенок, эта малютка лет пяти с тонкими золотистыми кудряшками — это была внебрачная дочь Жана. Так сказала ее мать, подкинувшая девочку на порог нашего дома. Оставила и ушла, худая и бледная нищенка.

Жива ли сейчас? Вряд ли. А если и да, то немногим лучше меня себя чувствует.

Жан еще никого не сделал счастливее и здоровее. Он, словно паразит, присасывается и высасывает все соки, всю жизнь выпивает.

— Но это же ваша внучка! — изумленно воскликнула я, глядя на девочку.

Та не заплакала от подзатыльника. Для бедняжки это было уже привычное дело.

Она все так же молча смотрела на меня, прижимая к себе странную игрушку, то ли черного медведя, то ли кота, кое-как сшитого из вытертого старого плюша.

Единственное, что осталось у нее на память от матери... Дети Клотильды не отняли игрушку у девочки только потому, что та была слишком уж грязная и протертая чуть не до дыр.

Ну, и сама владелица кота имела обыкновение кусать-

ся. Отчаянно, несмотря на тумак, которых доставалось ей предостаточно.

— Как бы не так! — рывкнула старуха. — Жан говорит, что знать не знал эту проходимку, подкинувшую нам этого звереныша!

— У нее ваши глаза, — пробормотала я, ошарашенно разглядывая девочку. — Это же ваша... как же вы можете!..

Но у старухи точно в груди камень.

— Обе убирайтесь, — прошипела она, — и точка!

— Вы за все ответите! — выдохнула я, потрясенная.

Клотильда ослабилась. В чертах ее неприятного лица засияло злое торжество.

— Доживете до мая — может, и отвечу, — мерзко проговорила она.

Скажем прямо, шансов дожить до мая, да и просто прожить хотя б несколько дней на улице, куда гнала старуха, у меня было маловато.

С ребенком на руках — еще меньше.

С чужим ребенком. С ребенком человека, назвавшегося моим мужем, и избавившегося от меня, как только взять стало нечего.

Я ведь не дуручка. Все я понимала.

Это юная тихая жена Жана могла бы верить в то, что старуха-свекровь распоясалась, пока сына нет дома. Я же, занявшая тело девушки нечаянно и самовольно, видела это семейство просто насквозь.

Жан еще раз намерен был жениться.

Развестись со мной он не мог. Тогда б суд обязал его отдать мне мое приданое, да еще и денег на новорожденного ребенка заставил бы приплатить. А Жан никому и ничего платить не собирался.

Поэтому они с матерью и удумали избавиться от молодой жены.

Да и от плода греха, от девочки-подкидыша, тоже.

Видно, Жан наконец-то очаровал не какую-нибудь деревенскую дурочку, а даму солидную, богатую. Значит, темное прошлое ему ни к чему.

Молодая жена умерла в родах? Что ж, так бывает. Никто б не придрался.

Но план старухи и мерзавца-мужа разрушила я. Свалившись в чужое, обессиленное тело, оживив его своей неистовой жадной жить.

А за то, что такой хороший, выверенный план разрушился, Жан строго спросил бы со своей мамыши. Вот она и лютует, огрызается. На крайние меры пошла, гонит меня из дому.

— Что людям скажете, — глухо говорю я, цепляясь за последний шанс остаться здесь, под кровом, в тепле. — Как оправдаетесь.

Клотильда фыркнула.

— Скажу, что пошла за хворостом и не вернулась! — дерзко выкрикнула она. — Может, заплутала, а может, сбежала. Все же знают, что ты дурочка. Потаскушка деревен-

ская.

Дети за столом так и покатались со смеху, показывая на меня пальцами.

— Шлюха, шлюха! — радостно вопили они.

Молодая жена Жана не была потаскушкой.

Это старуха злословила про нее, вымещала так свою ненависть и зависть.

У Клотильды четверо детей, и все от разных мужчин.

С ней и соседи-то здоровались через раз, потому что говорили, что Клотильда одно время жила в городе. И вот там она как будто бы продавала себя за деньги. И детей всех прижила от клиентов.

Так что стыд ей так наколол глаза, что она рада была обратить людскую молву против невинной девочки...

— Сама такая, — огрызнулась я.

Клотильда пошла пунцовыми пятнами, ринулась к столу.

— А ну, пошла! — закричала было она, замахнувшись.

Но я ухватила нож и ткнула в ее сторону. Малолетние засранцы тотчас испуганно смолкли и съежились на своих местах. Мать их застыла на месте, испуганно опустив руки.

— Стой, где стоишь, — рывкнула я. — Не то кишки выпущу. Терять мне нечего.

— Я слуг сейчас позову, — выдохнула Клотильда. — Они тебя взашей... Они тебя...

— Сама уйду, — огрызнулась я. — Просто рот закрой и дай поесть.

Я обернулась к девочке, которую старуха мне навязывала, и жестом подозвала ее к себе.

— Ну, иди ко мне. Есть хочешь?

Девочка не ответила. Темно-синие глаза ребенка метнулись к дымящейся чашке с остатками похлебки. Девочка сглотнула и сделала шаг вперед. Отчаянно и с мольбойглянула мне в лицо.

Все ясно. Ребенка старая стерва тоже не кормила сегодня.

— Иди, не бойся, — я протянула руку, коснулась ребенка.
— Съешь мой суп.

Девочка была, конечно, дикарка.

В путаных воспоминаниях юной жены Жана, которые нахлынули на меня, словно морские волны, я не находила ни имени этой малышки, ни то, умела ли она говорить.

Да и сама девушка, вечно занятая работой, не находила свободной минутки, чтобы уделить внимание этому ребенку. Поэтому никаких теплых отношений между нами, такими одинокими и такими одинаковыми в своем несчастье людьми, не было. Девочка не любила меня, не доверяла.

Но сейчас голод пересилил ее страх передо мной.

И она проворно взобралась ко мне на колени, без уговоров схватила ложку и принялась есть с такой жадностью, что дети снова зафыркали, подавляя смешки. И Клотильда усмехнулась, морща тонкие злые губы.

— Всяких выродков кормишь, — процедила она надмен-

но. — Самой нечего жрать, сама из милости выпросила тарелку супа, и переводишь добро на всякую подзаборную шваль! Сдохла бы, всем было б легче!

А у меня сердце защемило.

Как же нам быть с тобой, малышка?..

Я доела свой кусок хлеба, макая его в чашку, откуда ребенок торопливо вычерпывал суп. Слабость потихоньку отступала, голова не кружилась так сильно. Но этого было маловато, чтоб быть уверенной, что завтрашний день я встречу живой.

— Ну, нажрались? — грубо и нетерпеливо произнесла Клотильда, когда наша чашка опустела. — Все, убирайтесь! Некогда мне с вами возиться.

Я глянула на нее исподлобья.

— Куда, по-твоему, мы должны идти?

— Мне все равно, — грубо ответила она.

— Тогда, — проглатывая щекочущие нос слезы, произнесла через силу я, — я хотела бы... вернуться в отчий дом.

На красном толстом лице Клотильды появилось мерзкое, нехорошее выражение. Улыбочка эта нарисовалась... такая сальная, жестокая, торжествующая.

— Да ради бога! — воскликнула она насмешливо. — Это твой дом. Можешь жить там, если так сильно хочется!

Ясно.

Если она так легко соглашается, значит, от дома там мало что осталось. Скорее всего, Жан вывез оттуда все, что только

было возможно. Всю мебель, посуду. Все, что представляло хоть какую-то ценность.

— Я даже велю слугам тебя отвезти! — усмехнулась она негромко, мне в лицо. Глаза ее так и сияли злым торжеством. — Люди ведь спрашивать будут, где ты. Куда делась. Так вот я честно скажу — захотела домой. Собралась и уехала. И слуги подтвердят! Ну, чего тарачишься? Собирайся!

— Я тебе это припомню! — прошептала я, с ненавистью глядя в ее наглые, довольные глаза. — Если доживу до весны, тебе все это с рук не сойдет! Ты заплатишь за все, за каждую пролитую мной слезинку!

— Вы сдохнете обе! — люто рыкнула старая ведьма, глядя мне в глаза ненавидящим взглядом. — Через пару дней платить некому будет!

Глава 2. Убежище

Слуги Клотильды выполнили ее приказание.

Отвезли меня и малышку на ночь глядя в мой дом, точнее, в то, что от него осталось.

Год — небольшой срок, но не для места, которого коснулись руки жадных до чужого добра людей. Так что дом стоял брошенный и какой-то... полуразрушенный. Если б меня бросили у порога, я умерла бы к утру, занесенная снегом.

Но, в отличие от Клотильды, сердца у этих людей, что привезли меня сюда, были.

Не могли они просто так выкинуть на мороз больную девушку и ребенка!

Вместе с нами в санях к порогу дома привезли целую копену соломы, немного дров.

Мне на плечи накинули тяжелую доху, пахнущую чем-то кислым. Девочку поверх ее ветхой одежки закутали в несколько шерстяных платков. На ноги ее надели старые растоптанные войлочные башмаки.

Тихо, молча, сердобольные люди делились тем немногим, что у них было.

Они знали, что везут нас на верную смерть, и хотели хоть немного загладить свою вину перед нами двумя, невинными душами.

— Спасибо, — только и сказала я в ответ на их дары.

Дом был тих, черен холоден. Окна его черными провалами смотрели в опустевший сад.

Когда-то тут росли прекрасные цветы. Лилии, розы, ландыши. Много лечебных растений. Но, кажется, Клотильда все красивые кусты выкопала и увезла к себе.

И сад теперь напоминал пустырь, заросший сорняками. Их сухие голые стебли теперь уныло торчали из-под снега.

В дом я не пошла, попросила помочь перенести мои жалкие пожитки во флигель.

Это был совсем крошечный домик в глубине сада. В нем была одна только комната, крохотная ванная, да кухня.

Его протопить намного легче, чем дом, в чьих спальнях гуляет ветер, а стены насквозь промерзли.

Кучер, что правил санками, с радостью помог мне.

Он открыл двери, примерзшие к косяку, ударив посильнее плечом. Перенес скудные дары провожавших.

В комнату, на низкую софу перед камином, внес огромную охапку соломы.

— Тут, перед огнем, заройтесь в сено, барышня, — произнес он, разводя в камине огонь и подкладывая к теплу промерзшие поленья, чтоб оттаяли. — Да одеждой укройтесь. Все теплее.

Он встал, виновато кряхтя. Отряхнул одежду, пряча взгляд.

— Ну, прощайте, — глухо произнес он и, не дожидаясь ответа, так и не глянув на меня, вышел, плотно закрыв за

собой двери.

Ушел; а мы остались в холоде и одиночестве. Я и крохотная девочка перед разгорающимся огнем.

— Ну, — преувеличенно бодро произнесла я. — Будем устраиваться на ночлег? Теперь это наш дом. Придется привыкать.

— Совсем-совсем наш? — произнесла вдруг девочка, и я застыла от изумления, полусогнувшись. Хотела поворошить в камине дрова, чтоб горели веселее, да так и замерла с кочергой в руке.

— Ты... ты говорить умеешь?

— Да, — ответила она, нерешительно топчась в своих огромных башмаках по холодному полу и прижимая к груди свою черную игрушку. — Так совсем-совсем наш?

— Да, наш, — ответила я.

— И больше ничей? — настаивала она. — Ничей?

— Ничей, — качнула я головой. — Никто не придет и не отнимет. Все тут наше.

Девочка обвела взглядом обстановку. Да, не дворец. Все очень скромно. Пыльно еще очень; но это дело поправимое.

— Не нравится?

Девочка помолчала, оглядываясь.

— Нравится, — ответила она наконец. — Клотильды нет, уже хорошо.

— О, что ж я болтаю! — спохватилась я, подхватив ребенка и усаживая ее на солому. — Замерзнешь ведь!

— Нет, — спокойно ответила девочка. — Тут уже тепло. Я почти согрелась.

В корзинке, что собрали мне сердобольные люди в дорогу, я нашла краюху хлеба, немного масла, кусок сахара. Пока горели поленья, наполняя маленькую комнатку жаром, я обошла дом, отыскивая все, чем можно было утеплить наше ложе.

Отыскала шерстяной коврик на полу и постелила его поверх соломы.

Со стены сорвала пыльный старый ковер. За порогом встряхнула его, как смогла, выколачивая пыль. А потом подержала у огня, чтоб прогреть хоть немного.

Когда ковер стал теплым и перестал напоминать жесткую невыделанную шкуру, накрыла им софу, чтоб получилось что-то вроде палатки, шатра.

— Домик в домике, — пропищала из-под ковра девочка.
— Держи-ка!

От куска желтого сахара я отломил кусочек поменьше и дала его ребенку. Девочка жадно ухватила его, зачмокала жадно, словно никогда в жизни не ела ничего вкуснее.

Впрочем, почему — как будто. Наверное, так и было. У Клотильды вряд ли были для этого ребенка лакомства.

На кухне я отыскала старый чайник. В саду потеряла его снегом, счищая пыль. Набила и натрамбовала снега внутрь. В шкафу набрала лепестков и листьев, оставшихся от душистых трав.

Они пахли так славно, так знакомо, что я вдруг ощутила летнее тепло и покой.

Отчего-то страх перед смертью отступил.

Я вздохнула свободнее, словно какая-то сила, до той поры меня сковывающая, вдруг исчезла.

И я знала, что все у нас будет хорошо.

— Будем чай пить, — прошептала я, вешая чайник над пылающими поленьями. — Тебя как зовут?

— Лиззи, — ответила малышка из-под ковра. — А тебя?

Я посмотрела на огонь и задумалась.

Какое имя я теперь буду носить?

Та, что умерла от болезни, звалась Ольгой. Сгоревшая в горячке молоденькая жена Жана была Эльжбета. Только обеих их больше не было. Не хотела я называться именами людей, ушедших за черту.

— Не знаю, — ответила я.

— Как так? — удивилась девочка и высунула из-под ковра голову.

— Забыла, — ответила я. — Так сильно болела, что забыла свое имя. И вспоминать не хочу. Давай вместе придумаем мне новое?

— Новое? — недоверчиво переспросила Лиззи. — Красивое?

— Ну, я надеюсь на твою щедрость, — усмехнулась я.

— Роза? — спросила девочка.

Я глянула в блестящий бок чайника, который еще не успел

закоптиться над огнем.

Мое новое лицо было совсем... не как у Розы.

Тонкое, бледное, со светлыми ниточками бровей. Меня можно было б назвать привлекательной, если б не печать усталости и болезни, лежащая на челе.

— Нет, — Лиззи сама поняла, что это имя не подходит мне. — У тебя волосы светлые. А роза — она яркая. Красная. Ты точно не Роза!

— Да, точно подмечено, — согласилась я.

Волосы у меня были светлые, длинные, пепельного оттенка, чуть вьющиеся. Наверное, если их отмыть, они будут еще красивее.

— Бэлла? — меж тем продолжала размышлять Лиззи. — О, нет. Я знала одну Бэллу. Она была смуглой, и волосы у нее были черные, как смоль. И щеки круглые, как яблоки! Может, Бьянка? Смотри, ты такая беленькая. Тебе должно подойти это имя.

— Бьянка? — пробуя новое имя на вкус, вслушиваясь в его звучание, повторила я. — А почему бы и нет. Красивое имя. Пусть будет Бьянка. Спасибо!

Потом мы пили чай, пахнувший лесом и ягодами, и по очереди кусали кусок желтого сахара. И мне казалось, что никогда я не ела ничего вкуснее, чем этот сахар с кипяченой водой...

Сама не знаю, зачем я согласилась взять с собой эту девочку.

Наверное, это гормоны молодого тела виноваты. Мать, только что потерявшая ребенка, хотела восполнить пустоту в своем сердце. Материнский инстинкт.

Может, жаль ее было.

«Да девчонке нипочем не выжить в том змеином гнезде, — подумала я, подкинув еще поленце в камин и забираясь под ковер к ребенку, задремавшему с недогрызенным сахаром в руке. — Старая ведьма или голодом заморит, или кипятком ошпарит, или на ночь во дворе забудет. Вот тебе и все. А у меня... по крайней мере, я буду о ней заботиться».

Странные мысли для девушки, которая сама нуждается в заботе!

Под ковром было жарко. Солома была, конечно, не перина, но все же помягче, чем голые доски.

Я накрыла ребенка своим юбками, прижала девочку к себе, и тоже задремала в тепле. Нам надо было обеим выспаться и набраться сил. Впереди нас ждала трудная жизнь и много работы.

Но дома и стены кормят!

«Ничего, ничего Лиззи, — сквозь сон думала я. — Мы обязательно выкарабкаемся!»

Проснулась я на удивление бодрая, полная сил.

Еще бы! Впервые за долгое время у меня ничего не болело. Не тошнило от мерзкого металлического привкуса лекарств во рту. И не было страха, что на подушке я найду оче-

редной клок волос.

Хотелось есть; кстати, тоже практически подарок судьбы.

Раньше поесть меня уговаривали. Вливали питательную жижу через зонд. Теперь же я готова была проглотить даже сухую краюху хлеба. Это ли не подарок судьбы?

Малышка еще спала, и я пока решила осмотреться.

Все кругом казалось мне знакомым и незнакомым. В воспоминаниях молоденькой жены Жана этот домик был уютным, теплым и маленьким, а я видела только пыльный и заброшенный сарай.

Не место тут больной женщине. Да и ребенку тоже.

— Ну, ничего, — пыхтела я, натягивая тяжелую шубу на плечи. — Мы приведем тут все в порядок!

Дрова в камине давно прогорели, дом снова стал холодным. Поэтому первым делом я постаралась развести огонь, чтоб согреться. Хорошо, что вчера несколько поленьев положили перед огнем сушиться! Нарвав тонкой коры, я сложила ее шалашиком под поленьями и подожгла. Веселый огонь занялся, а мне показалось — это новые жизненные силы вливаются в мои жилы.

Рядом с домом протекал незамерзающий быстрый ручей. Я это точно помнила. Оттуда старый аптекарь брал воду, когда варил свои снадобья. Еще и гордился ею, говорил, что она с серебром. Мол, от нее все раны быстрее заживают.

Прочистить узкую тропку к этому ручейку было делом нехитрым. Тем более, что деревянная старая лопата отыска-

лась у самых дверей. Она стояла, прислоненная к стене.

Но я была еще слишком слаба и провозилась с этим целый час. А тропинка получилась совершенно узенькой.

Зато можно натаскать много воды! Вымыть пыльную комнату, пол, серые мутные окна. Да и чай заваривать не из подтаявшего на солнце снега, а из чистой и вкусной воды!

За нехитрой работой я успокоилась, кое-как привела в порядок хаотично мечущиеся мысли.

Итак, с чего начать? Как нам вдвоем выжить?

— Нужно снова продавать лекарственные травы и настои, — твердо ответила я сама себе, разгребая лопатой снег на каменной дорожке. — Только это я и умею. Только в этом я и понимаю. Нужно осмотреть сад, грядки. Что-то обязательно сохранилось! Клотильда могла вырыть розы и лилии, но лекарственные травы она не знает, и вряд ли их забрала. Что-то должно было остаться. Но сейчас зима; до появления первых трав еще месяца три. Как нам их прожить?

Я задумалась.

— Конечно, надо дом обыскать, — решила я. — Может, найдется, что продать.

Набрав ведро воды, я по свежеоткопанной тропинке вернулась во флигель.

В комнате было тепло, поленья догорали. А из-под ковра на софе слышались горькие всхлипывания.

Малышка плакала.

— Эй, — тихонько позвала я, осторожно ставя ведро на

пол. — Милая! Ты чего?

Уголок ковра зашевелился, отогнулся. Из-под него появилась чумазая мокрая мордашка.

— Я думала, — всхлипнула девочка, — ты меня бросила. Обманула и оставила одну.

У меня сердце дрогнуло, руки бессильно опустились. Слезы так и брызнули из глаз.

Сколько же горя она должна была перенести в свои годы, совсем кроха, чтоб так скоро поверить в зло?!

— Нет, нет, что ты! — прошептала я, порывисто бросившись к ней и обняв маленькое дрожащее тельце. — Как ты такое могла удумать?! Конечно, нет! Я не оставлю тебя одну! Но нам же нужно что-то поесть, не так ли? Я и сходила за водой. Будем пить чай, как вчера. Ну, не бойся, Лиззи!

Но она вцепилась в меня, и молча дрожала, спрятав лицо на моей груди.

Верно, она пережила самые страшные минуты в своей жизни.

— Давай я с тобой ходить буду, — прошептала она горячо. — И за водой, и всюду. Я помогать стану. Только одну меня не оставляй.

— Хорошо, — так же шепотом ответила я. — Вместе ходить станем. Только не плачь и не думай обо мне плохого. Я тебя не подведу. Я тебя не предам.

— А можно, — осторожно спросила она меня, — я стану называть тебя сестрицей?

— Ну, конечно, можно, — ответила я, баюкая ее на руках.
— Я буду сестрица Бьянка, а ты мне сестрица Лиззи. Давай поедим, сестрица?

— Может, просто чаю попьем? — горько вздохнула Лиззи, все еще переживая последний страх и все еще всхлипывая. — А еду оставим на вечер. А то не уснуть, когда в животе голодно...

Эти слова больно резанули мое сердце, даже слезы из глаз брызнули. И я обняла ее крепче, баюкая и ее, и себя, свои разбушевавшиеся чувства.

— Хорошо, — согласилась я. — Давай.

В кухонном пыльном шкафчике я нашла еще немного сушеных трав и, как ни странно, огромный кусок коричневого пахучего мыла. Его сварил старый аптекарь, сам.

Помню, он хвалился, что им можно вылечить даже лишай. А уж отмыть все, что угодно! Даже черный ночной небосвод добела.

Настоящее сокровище! Особенно если учесть, что мы с Лиззи были как два трубочиста.

Мыло это было почему-то надкушено с одного уголка. Огромной зубастой пастью.

— Клотильда наверняка пробовала на вкус, — поделилась соображениями Лиззи. — Она вечно все незнакомое в рот тащит.

— Опасная привычка, — покачала я головой. — Так можно укусить совсем что-то неподходящее.

— Она не укусит, — серьезно ответила Лиззи. — Отраву она по запаху знает. А вот что это такое, наверное не поняла.

Я разобрала найденные травы, отобрала самые полезные, отвар из которых придаст нам сил. Все-таки, я еще нездорова. И никто меня не лечил. Значит, нужно самой этим заняться.

— Вот ромашка, — бормотала я, разбирая цветы. — Успокоит и снимет воспаление. А это алоцвет. Кровь обновит. И кошкин глазок. Укрепит. Я живо нас обеих на ноги поставлю!

Плеснула воды в чайник, повесила его над огнем.

— Нам нужно сегодня помыться, — серьезно произнесла я. — Иначе кровососы нас съедят и обгложут до костей. После того, как чай попьем, надо будет к дому сходить. Там поищем что-нибудь полезное. Тебе вот платье не помешало б новое. Это смотри, слишком малое. Так и расползается по швам. Может, найдет какую-нибудь старую вещь, которую можно будет перешить?

Тут вдруг во дворе пропел петух, и Лиззи удивленно взглянула в сторону окна.

— Птицы? — произнесла она. — Здесь? Откуда?

Вот и мне любопытно, откуда.

Дом аптекаря стоял далеко от прочих домов. До соседей добираться час, а то и полтора. А петух горланит у нас во дворе! Не мог же он в лесу жить? И сбежать из поселка в

глушь, где есть совершенно нечего, тоже вряд ли мог.

— Пойду-ка, гляну, — пробормотала я.

Лиззи ни слова не говоря, колобком скатилась с нашей постели, ухватила свою игрушку, и потуже затянула шерстяной платок, в который была укутана.

И вместе мы выдвинули во двор.

Позади флигеля, в беседке, наполовину заваленной снегом, важно разгуливал огненно-рыжий, с черным блестящим хвостом, петух. Все сугробы вокруг были украшены следами куриных ног, а немного поодаль слышалось протяжное кудахтанье кур.

— Вот чудо, — пробормотала я. — Откуда они тут?

— Может, оттуда? — Лиззи указала пальцем на снеговую кочку с черным круглым провалом оконца, откуда курился пар. — Смотри, вон одна птица из окошка выглядывает!

Я вернулась за лопатой, и мы вдвоем с Лиззи прочистили короткую тропинку к этой непонятной кочке. Впрочем, почему непонятной. Это был домик для кур, совсем маленький, летний. Туда зайти можно было, лишь согнувшись в три погибели. Сейчас он стоял, засыпанный снегом вместе с крышей.

Да и кур-то у нас было всего с десяток. И тех Клотильда переловила и забрала себе.

— Эти откуда взялись? И, главное, как зимой одни выжили? Что ели?

Лиззи лишь пожала плечами. Разумеется, у нее не было

ответа на мои вопросы.

— Наверное, не всех Клотильда поймала, — заметила я, стуча лопатой по низенькой крохотной дверке.

Домик ответил мне настороженным кудахтаньем и долгим «ко-ко». Значит, верно куры там оставались! А снег, завалив клетушку с крышей, уберег их от стужи!

— Смотри, сестрица, — произнесла Лиззи, — что я нашла! Какой камешек забавный!

Я глянула.

На детской грязной ладошке лежало яйцо!

Свежее, еще теплое!

— Лиззи! — прошептала я. — Это не камешек! Это же куриное яйцо... мы спасены, Лиззи! Иди-ка в дом, положи его в миску. Позже его съедим. А я попробую открыть эту примерзшую дверь!

Это удалось мне не сразу. Тело у меня было тонкое, совсем легкое. И я толкала эту дверь плечом, и с разбега, очень долго. Снова и снова, пока она не поддалась.

В лицо мне пахнуло смрадным теплом. Еще бы! Всю осень и зиму не убирали и не проветривали.

Я приоткрыла дверь и с трудом, согнувшись, протиснулась в домик для кур. Курятник — это уж слишком громко. Так, клетушка два на два, с жердочками и парой гнезд.

Внутри ужасно воняло и было сыро, но зато тепло. Кур, ютящихся на жердях, я насчитала семь. Верно, Клотильда переловила не всех. А они, может, цыплят вывели?

В углу стоял узкий высокий ящик, заляпанный куриным пометом.

— Ага! — пробормотала я. — Ящик с пшеницей!

Он был наполовину опорожнен, пшеница вся испачкана. Но все же, видимо, курам хватило его, чтобы прожить холода. А попить они выходили через круглое оконце под потолком, клевали снег.

Я очистила пшеницу, сняв с нее верхний слой, уже взявшийся коркой.

Куры тотчас налетели на чистое зерно с квохтаньем. Видно, давно не ели нормально.

А я тем временем пошарила по гнездам.

Гнезда тоже были грязны и запущены. Кое-где были остатки скорлупы. Наверное, куры расклевывали свои яйца, когда было совсем голодно.

Но и пяток свежих, новых яиц я нашла.

— Вот это повезло! — прошептала я задыхающимся от счастья голосом.

Дома Лиззи ждала меня. Свистел носиком закипевший чайник.

— Лиззи! — воскликнула я бодрым голосом, показывая ей яйца. — Смотри, что я нашла! Смотри, как много! Знаешь, что это?

Лиззи, сидя на нашей постели перед огнем, не отвечала. Только смотрела на меня виновато, испуганно. И губы ее были перепачканы в желтке.

Прекрасно она знала, что это такое — яйца. И с чем их едят.

— Прости, сестрица Бьянка, — прошептала она. — Я... это съела. Я не удержалась, прости!

И вся съежилась, нахохлилась, как птичка, ожидая побоев. Она полагала, что заслужила их. Ведь я была так же голодна, как и она. А она одна, не поделившись, эгоистично съела то небольшое, что удалось раздобыть.

— Глупенькая, — как можно ласковой произнесла я, стараясь ее не напугать. — Не бойся, я не сержусь. Я понимаю, что ты очень голодна и просто не сдержалась. Но я верю, что впредь ты не будешь так поступать, и всегда со мной поделишься. Ведь так?

— Да, — прошептала малышка, не поднимая глаз.

— Ну, кто же ест яйца сырыми?

— Это очень вкусно, — доверительно сообщила мне Лиззи, убедившись, что я не сержусь. — Я расколола скорлупу, посолила и выпила его...

— Ах, глупышка! — я рассмеялась, сняла с огня чайник, кинула в бурлящую воду приготовленные травы. — А если живот разболится?

— Не разболится. Я всегда так делала у Клотильды. Если она забывала меня покормить.

— Я не стану забывать, — пообещала я, хотя сердце мое сжималось от жалости. Ребенок что затравленный зверек! Привыкла тащить все, что плохо лежит! А иначе она бы точно

у Клотильды не выжила. — К тому же, я знаю способ сделать яйца намного вкуснее!

Я помыла руки — Лиззи мне полила из ведра, что я утром принесла, — ополоснула и найденные яйца.

— Поищи-ка сковородку побольше! — велела я. — На жарим гренок.

Лиззи посмотрела на меня голодными блестящими глазами и гулко сглотнула.

Одним яйцом она явно не наелась. И хотела есть еще; но страх перед голодом подсказывал ей, что надо растянуть пищу, не съедать все сразу...

— Сестрица Бьянка, — произнесла она дрожащим голосом. — Ты можешь сейчас съесть мою долю хлеба. Ту, что мы на вечер оставили. А вечером съешь свою. Но не надо все яйца сразу сейчас съедать. А то на потом ничего не останется!

Она изо всех сил теперь старалась загладить свою вину передо мной. Бедный ребенок...

— Нам с тобой хватит и трех, — ответила я. — И пары кусков хлеба. А потом будут еще яйца. Куры еще нанесут. Не переживай!

В глубокой миске я взбила с щепоткой соли три яйца, обмакнула в них пару ломтиков хлеба и выложила их на разогретую сковородку.

Остатками яйца залила и как следует встряхнула сковороду над огнем.

— Сейчас поедим и немного поработаем, — сказала я, глядя, как Лиззи тянет шею, наблюдая за шкворчащими на сковороде яйцами. — Раз уж куры у нас есть, придется за ними ухаживать.

Гренки наши были готовы в пять минут.

Их я выложила на тарелку и поставила еду перед девочкой.

— Ешь, — велела я.

Та подняла на меня глазенки, в которых все еще плавали стыд и раскаяние.

— А ты, сестрица? — прошептала она.

— И я поем.

Бедный ребенок. Она все еще не верила, что ее не будут наказывать, бить, морить голодом... Мне придется приложить много усилий, чтоб она снова поверила людям. Чтоб перестала смотреть, как забитый зверек.

Наелась она быстро, хоть и ела поначалу жадно, хватая горячие куски. Но не осилила и половину своей порции хлеба, жареного с яйцами. Отодвинула тарелку, дожевывая кусочек.

— Эх ты, — улыбнулась я, глядя, как ее глазки от сытости закрываются. — Ешь, как птичка. Ну, давай, залазь под ковер. А я тебе горячего чая налью.

Сегодня я дала ей кусочек сахара поменьше. Доброта добротой, но экономить все же надо было.

Сама присела рядом с ребенком, принялась за еду, прихлебывая чай из старой глиняной чашки и размышляя.

Куры это хорошо.

Это яйца, это мясо, в конце концов. Уже не так голодно. А по весне, если вычистить их клетушку, то и удобрение хорошее для моих теплиц.

От мыслей о теплицах у меня сердце сжалось.

Какие у меня были теплицы! Там росло все, и зелень для стола, и томаты, и редкие растения. И даже грибы-вешенки. Но, кажется, та же Клотильда побила все стекла. Она была словно стихийное бедствие. Как слон в посудной лавке. Но, подозреваю, это не природная неуклюжесть. Она ломала и крушила все налево и направо специально.

Просто чтобы переломать.

Чтобы испортить, испоганить то, что было устроено с любовью и заботой. То, что делало меня чуточку лучше самой Клотильды. Ведь травы, цветы, теплицы — это прилежный труд и аккуратность. А сама Клотильда работать не любила...

После еды больше всего хотелось упасть и уснуть. Но я понимала, что спать не время.

— Нужно позаботиться о наших курочках, — сказала я задремывающей Лиззи. — Они теперь наши главные кормилицы!

Я прикрыла ее ковром, подкинула еще поленце-другое в камин и направилась в курятник.

Он был очень грязным, очень.

Гнезда, пара деревянных ящиков, были просто скользкими от помета.

Я вычистила из них остатки грязной соломы, решительно промыла их пучком свежей, чистой, и снаружи, и внутри.

Из той копны, что со мной привезли, надергала помягче, настелила курам в гнезда, и много — на пол, надежно прикрыв зловонную жижу. Теперь здесь будет сухо и не будет вонять.

Проветрила клетушку, насыпала курам чистого зерна, а ящик закрыла, чтобы они его не пачкали.

В награду за свои труды по окончании всех работ в пышной свежей подстилке на полу нашла еще одно яйцо, свежее, горячее.

— Ну, теперь не пропадем! — прошептала я, зажав его в кулаке и улыбаясь до ушей.

Силы возвращались ко мне быстро. Даже странно, какое чудо способен сотворить крошечный кусок хлеба и спокойный отдых! Но я уже чувствовала, как силы возвращаются в мои руки.

Поэтому я решительно взяла снеговую лопату и решили идти к дому.

Я хотела поискать там что-нибудь, все равно что. В нашем положении любая мелочь, любая вещь — это ценность. Обрывок ткани, старая одежда. Соль. Мыло вот, например.

Клотильда не взяла мыло, а ведь оно стоит очень дорого.

— Чем же Клотильда стирает, если мыла не знает, — удивилась я, натягивая тяжелую одежду.

— Щелоком же, — рассудительно ответила Лиззи, в свою очередь завязывая свои шерстяные платки. — Да и то не сама, а служанки ее. Видно, ты и вправду сильно болела, если этого не помнишь. Ты же тоже стирала для Клотильды.

Я помнила.

И стирала, и таскала тяжелые корзины с сырым бельем во двор, повесить сушиться...

Но все эти воспоминания были так тяжелы, так болезненны, что я отодвигала их поглубже в память, чтобы отчаяние и безысходность, наполнявшие их, не ранили меня.

Я глянула на свои руки. Они были очень тонкие, худые, бледные, с коротко остриженными ногтями, в цыпках. Да, поработать им пришлось много.

Мне вдруг стало ужасно жаль своего нового тела. Какое оно неухоженное, болезненное, нескладное... Совсем юная девушка, а выгляжу как старуха! А мне вдруг захотелось выглядеть... привлекательно, что ли. Я и в прежней своей жизни была этого лишена. Болезнь ведь никого не красит.

А сейчас я здорова! Слаба, голодна, но смертельные болезни не подтачивают меня! Значит, и красоту можно вернуть.

— Эх, мне б найти каких-нибудь трав, — пробормотала я. — Вылечиться как следует... руки вот хотя б отмочить,

чтоб были мягкими и красивыми...

— А ты раньше травами занималась? — удивилась Лиззи, пряча за пазуху свою старую игрушку.

— Травами и цветами, — ответила я. — Делала целебные отвары, варила мази... Эй, а куда это ты собралась?

— С тобой пойду, — ответила Лиззи. — Помогать буду. Я ведь все-все могу делать! Правда!

— Ну, хорошо. Корзинку с мелочью ты нести можешь, пожалуйста. А кота своего зачем с собой берешь? Может, оставишь его тут?

Но Лиззи лишь помотала головой, глубже заталкивая игрушку под свою одежду.

— Ему нельзя мерзнуть, — сообщила она мне серьезно. — Он должен быть всегда в тепле!

— Здесь довольно тепло, — заметила я.

— А если мы долго будем ходить? Если дом остынет? Нет, он может замерзнуть. А у меня за пазухой — никогда!

В доме было тихо, морозно, пусто.

Двери были приоткрыты, в холле намело целый сугроб снега, и мы еле пробились внутрь.

— Ого, какой огромный дом! — восторгу Лиззи не было предела. — Он тоже твой?!

— Тоже мой, — тихо подтвердила я, переводя дух после борьбы со снегом и оглядывая родные стены. — А ну-ка, идем наверх!

Дом, конечно, был вовсе не большим. Двухэтажным

скромным домиком он был. Но там были и холл, и гостиная, и кухня, и кабинет для работы, и спальни.

Но Клотильда и Жан вынесли отсюда абсолютно все ценное, поэтому дом был пуст и пространство вокруг казалось огромным.

Они вывезли даже мебель. А что не вывезли, то разломали. Спасибо, что стекла в окнах остались целыми.

Крепкие хорошие стулья лежали разбитыми, столешница обеденного стола топорщилась белыми сухими щепками. Жан и его мать словно хотели уничтожить весь мой мир, в котором я жила в покое и счастье. Чтобы мне некуда было вернуться. Чтоб больше не было мне радости в этом мире.

Откуда такая звериная, лютая жестокость ко мне?

За что?!

Особенно Клотильда постаралась в моей комнате. Ее руку я узнала бы всюду! Это она сделала, в приступе ярости, какие иногда на нее накатывают. Тогда она дает выход своей силе и злобе. Радостно ломает и кромсает все, что попадется ей в руки.

Кровать моя, скромная узкая девичья постелька, была разломана совершенно. Резное деревянное изголовье треснуло, будто его несколько раз ударили колуном. Доски были оторваны от короба, крепкие ножки выбиты.

— Они что-то искали? — осторожно предположила Лиззи.

Я лишь пожала плечами.

Что искать в спальне девушки? Деньги? Тайники с сокровищами?

— Ну, зато дров нам нарубили, — весело произнесла я, хотя на душе кошки скребли. — Перенесем потихоньку обломки к себе и сожжем, как дрова. Будет тепло!

Клотильда раскидала и расшвыряла мое рукоделие, ножницы, иглы, цветные шелка и тонкие ленточки, которыми я вышивала цветы на своих скромных платьях. Я долго собирала их, растоптанные и пыльные, по всему полу. Пригодятся.

А вот кабинет отца эта парочка мародеров не тронула.

И я даже поняла, почему.

В колбах, ретортах и стеклянных бутылках навсегда застыл процесс, который старый аптекарь не довел до конца. Там он готовил какой-то яд, наверное, от садовых вредителей. И его запах отпугнул Клотильду.

— Точно, звериное чутье, — изумилась я. — Как крыса. Не посмела даже войти! Побоялась отравиться.

В кабинете царила идеальная чистота и порядок, если, конечно, не считать пыли.

Зато здесь были целы и диванные подушки с кистями, и теплый шерстяной плед все еще лежал в кресле!

И самое ценное — куски мыла в подарочных обертках из блестящей шелковой бумаги были сложены аккуратной пачкой в ящиках стола! Аптекарь не успел их продать и использовать. И это богатство нам с Лиззи досталось!

— И ни одного надкусанного куска, хвала небесам! — прошептала я, перебирая их дрожащими руками, сдувая пыль с ярких оберток. — Испорченное мыло вряд ли кому удалось бы продать.

Тут было и грубое коричневое мыло, полупрозрачное, если его разрезать на мелкие куски. Оно годно для уборки и чистки, да и стирка с ним была легче.

Было тут и туалетное, белое и розовое, с запахами роз, ландышей, сладких медоцветов. Отец сам добывал из цветов ароматные масла и варил с ними это мыло.

Были и отдельно маленькие стеклянные флакончики с плотно притертыми пробками. В них было чистое разлитое розовое масло. Любая модница даст за такой флакон серебряную монету!

А на столе, порядком запыленная, но все равно крепкая и целая, лежала книга в кожаном крепком переплете — рецепты снадобий ото всех болезней, что отец составлял сам.

— Это настоящее сокровище! — произнесла я, перелистывая страницы, исписанные аккуратным почерком. — Эх, была бы сейчас весна! И был бы цел сад! Я наварила бы заживляющих мазей и продала их! Нам было б намного легче выжить!

Пока я собирала все добро, что нашла, Лиззи бродила по дому.

— Тут очень красиво, — сообщила она мне, подставляя

свою корзинку, чтобы я наполнила ее мылом и мешочками с сухими травами, с теми, что удалось отыскать. — Давай тут жить?

— Я бы с удовольствием, крошка, — ответила я с тяжелым вздохом. — Но такой большой дом нам не протопить ломанными стульями. Потом, если разбогатеем, тогда...

— А что нам нужно, чтоб разбогатеть? — с надеждой в голосе произнесла девочка.

— Немного везения и много-много работы, — ответила я. — Вот продадим завтра мыло, выручим немного денег. Весной на ярмарке купим саженцев, посадим в саду. Вырастим цветы, сделаем из них лекарства...

Девочка вздохнула.

— Это очень долго, — сказала она.

В свою каморку мы вернулись с санками, полными всякой всячины. Тут были и нитки, и иголки, и ножницы. В обломках в своей комнате я отыскала гребешок и маленькое карманное зеркальце. Нашлись и пара рубашек, стареньких и латанных, но все ж чистых.

Мелкие обломки мебели мы перевезли в несколько заходов.

Стулья покидали сразу в камин, чтоб натопить как следует комнату, потому что сами уж сильно продрогли, блуждая по снежному саду.

На свою софу, поверх соломы и коврика, я уложила полосатый тюфяк, старый и драный, но все же мягкий. Сокро-

вища, что нашли в кабинете аптекаря, я аккуратно обтерла, стараясь не повредить нарядную обертку.

— Завтра в поселок пойдем, — сказала я. — А сегодня давай-ка вымоемся.

Лиззи сморщила нос.

— Мыться, — буркнула она. — Это еще зачем?

— Затем, — строго ответила я, — что мы с тобой не нищенки и не замарашки, а приличные девушки. Самостоятельные. И мы не подаяние собираемся просить, пытаюсь разжалобить всех своим видом. А заработать на хлеб своим трудом!

— Не хочу, — пробубнила Лиззи, глядя на меня исподлобья.

Ну, понятно.

Клотильда, если и мыла ребенка, наверняка безжалостно поливала Лиззи едким щелоком. Щипало глаза и разъедало кожу. Приятного мало.

— Пахнуть хорошо хочешь? — спросила я, развернув кусок мыла с ароматом роз.

Запах был очень стойкий и чарующий. Лиззи понюхала его и даже прижалась щекой, пробуя шелковистую гладкость куска.

— От этого мыла ты будешь очаровашкой. Волосы будут мягкими и золотыми. А личико румяным и белым, как у принцессы. Еще платье твое постираем, и будешь ты невообразимая красotka!

В общем, правдами и неправдами мне удалось ее уговорить.

Но легко сказать — помыться.

Ванна, конечно, у нас была. Но сама комнатка, где она стояла, была холодна, еще не прогрелась толком. Да и была она грязна. И эта грязь, пыль, паутина давили, угнетали. Даже дышать было тяжело. Стены давили.

Поэтому, как бы ни было трудно, как бы ни хотелось прилечь, я решила отмыть домик.

Всего-то одна комната и ванна! Неужели не осилю?!

Лиззи, подумав, что я позабыла о мытье, с радостью взялась мне помогать.

Вместе мы наносили и нагрели воды, я настрогала в ведро мыла, добавила кипятка. Старой тряпкой взбила пышную пену.

С мебели и со стен тщательно оттерла пыль. Постаралась отодвинуть всю мебель, чтоб добраться до самого темного и самого пыльного уголка.

Снова выколотила наши ковры, под которыми мы спали. Начистила их со снегом. Повесив на перильца, яростно выколотила их палкой. Они стали ярче, на них даже рисунок стал различим.

Лиззи большой старой метлой вымела всю солому из дома, с пола.

Щеткой я вычистила нашу софу, вымела всю пыль, весь колючий песок из складок обивки. Натерла до блеска лаки-

рованные ножки.

Соломой набила старый наматрасник, уложила его на софу аккуратнее. Поверх него бросила ковер. А сверху уложила тот самый старый тощий тюфяк, немного взбив его. Наша постель стала чище и теплее.

— Уже не логово грязных нищенок, — пробормотала я.

Пол в комнате я мыла особенно тщательно. Щеткой отскребала от досок грязные следы, глину и сажу. Скоро стало видно, что он из мореных дубовых досок, еще крепких, почти новых.

И стены были чистые, обшитые светлым крепким деревом.

От воды оно вдруг запахло лесом, приятной свежестью. Я раскрыла двери, проветривая, прогоняя застоявшийся запах, и дерево запахло еще острее, еще тоньше и приятнее.

Лиззи по моей просьбе выносила за порог мусор, сметенный песок и грязь, содранную из углов паутину.

Окно пришлось мыть дольше всего. Рама была просто волшебная, резная, очень сложная. А стекла маленькие, вставленные в ажурную деревянную решетку. Да еще и холодные, заledenевшие со стороны улицы!

Но мои усилия не прошли даром; в комнате стало светлее, и серое, непроглядное окно оказалось огромным и красивым.

Три ведра воды ушло на то, чтоб оттереть почерневшую от копоти плитку на стенах и пол в ванной.

Старая тряпка, бывшая когда-то одеждой, от моего усердия стерлась о кирпичи, изорвалась. Но на полу не осталось ни песчинки. А ванная сияла чистотой. И все вокруг приятно пахло свежестью.

Разведя щелок, я залила им саму ванну и терла до тех пор, пока она не побелела.

Слив за ту пару дней, что мы топили дом, кое-как оттаял, да еще я плеснула горячей воды, смывая грязь и мыльные пузыри с гладких блестящих стенок ванны.

Теперь можно было наполнить ее свежей чистой водой и помыться.

— Ну, смотри, — пропыхтела я устало, утирая мокрый лоб, — разве не красота? Отмоем начисто весь домик, когда потеплеет, и станет очень уютно.

— Куда же чище, сестрица! — радостно воскликнула Лиззи, оглядывая плоды моих усилий. — Ты просто волшебница! Посмотри, какое все чистое и яркое! Даже сверкает!

Уже к вечеру мне, наконец, удалось наносить достаточно воды, чтоб наполнить ванну.

Я нагрела три ведра кипятка, перемешала в ванне с холодной. От воды шел пар.

Камин я растопила так, что в комнате стало жарко. В чайнике заварила травы из тех, что нашла в кабинете аптекаря.

— Для спокойного сна, от болей в суставах, смягчающее кожу, — бормотала я, перебирая тонкие сухие стебли. — Ну, поди сюда, детка, — скомандовала я Лиззи. — Будем разде-

ваться и мыться.

Девочка нехотя подчинилась.

Одежда ее была просто ужасно грязной. Я, не глядя, бросила ее в ведро со щелоком. Впрочем, и моя не лучше; туда же ее!

Тела наши под одеждой просто чудовищны... тощие, бледные, грязноватые. Пахнущие болезнью. Да, в таком виде на людях лучше не показываться. Скажут — заразные, да прогонят со двора!

— Ну ничего, — бормотала я, намыливая руки душистым дорогим мылом. — Сейчас мы смоем с себя запах бедности!

Свой травяной взвар я влила в ванну в последнюю очередь и помешала как следует.

Еще капнула капельку розового масла — просто так, для запаха. Приятно было ощутить знакомый аромат и почувствовать себя не грязной нищенкой, а девушкой, которая заботится о своей красоте.

Обе мы влезли в теплую воду. Я с удовольствием погрузилась по самые уши, расслабляясь.

Лиззи, которая с настороженностью отнеслась к процедуре, в теплой воде перестала сжиматься в комок, откинулась на бортик ванной. Глазки ее стали закрываться, мордашка покрылась каплями воды от пара.

— Давай-ка я отмою тебя, — сказала я. — Раз уж ты вздумала спать.

Она откровенно зевала, когда я намыливала ее волосы и

смывала с них грязь. Мордашка ее, свежеумытая, разругалась и стала очень хорошенькой. Тощенькая спинка, вся в синяках и царапинах, стала по-детски розовой и мягкой.

Травяной сбор, что я заварила, действительно помог. Перестали болеть натруженные за день руки, ноги и поясница. Мышцы расслабились и стали мягкими. Грубая кожа на руках отшелушилась, стала мягче.

Отмыв Лиззи, я ее перенесла, засыпающую, на постель. Закутала в плед.

А сама вернулась в ванну занялась своими волосами.

Они спутались, скатались — ужас! Сплетенные в косу бог знает когда, почти превратились в войлок. Я со слезами раздираю косу, с отчаянием думая временами, что придется отрезать волосы.

Но остричься — это же позор! Остриженные волосы не спрячешь под чепцом, все равно заметят! Отчего отрезала? Болела тифом?! Или чем похуже?! Кто пустит на порог разную оборванку?!

Три раза подряд я опускала руки, заливаясь горячими слезами. И три раза бралась снова за дело, осторожно вычесывая светлые пряди. Волосы были длинные и очень густые. Такие и прочесать-то проблема, а уж запущенные...

Когда мне, наконец, удалось справиться с волосами и расчесать их обломком гребешка, вода почти остыла. Поэтому мыться мне пришлось поскорее, чтоб окончательно не замерзнуть.

Я вылезла, облачилась в свежую рубашку, найденную в доме. Свои чистые волосы я аккуратно сплела в косу и уложила на голове веночком.

В остывающей воде тщательно выполоскала наши вещи.

Красивее и новее они не стали, но чище — да.

Их я развесила на веревке перед пышущим жаром камином, чтобы завтра было что надеть.

Когда Лиззи проснулась, я, в одной рубашечке, завернувшись в один из ее платков, уже пожарила на ужин гренки из остатков хлеба, с целыми пятью яйцами. Сковорода шкворчала и шипела, брызжа маслом, яйца поблескивали.

А сама я сидела у огня и подшивала платье Лиззи.

Починить его было, наверное, нереально, и я скрывала прорехи как могла — вышивала шелковыми ленточками тюльпаны и ландыши. Выходило очень нарядно.

Платьице посвежело и стало выглядеть приличнее.

— Сестрица! — изумленно вскричала Лиззи, усевшись в постели. — Какая же ты хорошенькая стала! Какие у тебя волосы красивые! И какие щеки румяные! Это правда от того мыла?!

И она ухватилась за свою мордашку, наощупь пытаясь определить, похорошела ли она так, как ей было обещано.

— От мыла, от мыла, — посмеиваясь, ответила я. — Ну-ка, глянь-ка!

И я протянула ей круглое маленькое зеркало.

Не знаю, видела ли Лиззи себя хоть когда-нибудь чистой.

Да только увиденное ей понравилось. Ее маленький красный ротик округлился, она захлопала глазами, рассматривая себя.

— Это я-я-я?! — протянула она изумленно. — Ну и ну! Точно, принцесса!

— Иди-ка сюда, ваше высочество, — произнесла я. — Я расчешу тебя как следует.

— И косы заплетешь, как себе? — поинтересовалась Лиззи, живо спрыгивая с постели.

— Заплету! — пообещала я.

Ее рубашка и чулки просохли, я надела их на ребенка. Чулки, конечно, тоже пришлось починить. Но теперь они были свежими и целыми.

Я вычесала ее золотистые кудряшки, сплела их в две косы, и мы, довольные, уселись ужинать.

— Ты хорошая, сестрица, — задумчиво произнесла Лиззи, уплетая за обе щеки яйца и хлеб.

— Спасибо, — ответила я с улыбкой. — Это хорошо, что я тебе нравлюсь. А ты нравишься мне. Ты замечательная помощница. Вместе мы не пропадем!

Лиззи опустила задумчивый взгляд в миску с остатками еды.

— Мне нужно открыть тебе тайну, сестрица, — произнесла она. — Только ты пообещай, что не будешь браниться.

Глава 3. Тайна Лиззи

— Я сделала кое-что очень плохое, — сказала Лиззи.

— Когда? — удивилась я. — Сегодня? Когда ж ты успела? Девочка опустила стыдливо взгляд.

— Нет, не сегодня, — ответила она. — Давно. У Клотильды еще.

Я вздохнула.

— Ну, я обещаю не сердиться, — сказала я строго. — Если ты пообещаешь мне, что больше не будешь поступать дурно. Если мы хотим, чтоб жизнь у нас наладилась, надо забыть прошлое, оставить позади все, что было в доме Клотильды, и честно трудиться.

Лиззи вздохнула.

— Но ты обещаешь не кричать и не бить меня?

— Я никогда не ударю тебя, — твердо пообещала я, вспоминая ее синяки.

— Я кое-что украла у Клотильды, — призналась Лиззи. — И теперь все время думаю о том, что она может примчаться сюда и отнять это.

Я лишь всплеснула руками.

Ободренная моим молчанием, Лиззи продолжила:

— Ты, наверное, слышала, как она кричала. Ты тогда уже вставать начала.

— Да, что-то такое припоминаю, — пробормотала я.

Вспомнилось, как вопли Клотильды чуть не разнесли дом. Я тогда вынырнула из липкого и тяжелого сна и слушала ее крики. От них голова раскалывалась.

Если б я не болела, Клотильда б приписала вину на мой счет и поколотила бы меня.

— Что же это такое, детка? — осторожно произнесла я. — Если золото, или украшения, или какая ценная вещь, то лучше б ее вернуть. Понимаешь?

Лиззи упрямо замотала головой и крепче прижала к себе свою игрушку. Ах, вот оно что...

Вот почему она так ревностно ее оберегает!

— Это не золото, — тихо ответила Лиззи, как замороженная, глядя на огонь. — И не вещь. Никто и никогда не узнает, что это принадлежало Клотильде.

— Зачем же ты взяла это?

— Я... — малышка всхлипнула, словно захлебнувшись болью. Но ни одной слезинки не сорвалось с ее ресниц. Она все так же замороженно смотрела в огонь. И мне стало жутко от недетской муки в этих глазах. И от жажды мести. — Я очень хотела сделать ей больно. Намного больнее, чем просто укусить ее за толстую ногу. У нее чулки шерстяные, ей все равно не будет больно. А это... она очень это берегла. Прятала. Я следила за ней. Видела, как она достает мешочек по ночам, иногда, и пересчитывает...

Лиззи замолчала, шмыгнула носом. А я не посмела нарушить тишину.

— Никто не знал, что у нее есть этот мешочек, — тихо-тихо, как будто Клотильда могла подслушать, продолжила Лиззи. — Один раз только... тоже ночью... Клотильда позвала какую-то старуху. Они долго нюхали этот мешочек, разглядывали. И старуха сказала Клотильде, что ему надо тепла. Много тепла.

— Да что же это такое?! — заинтригованная, воскликнула я.

Лиззи решительно отняла от груди свою игрушку и протянула мне.

— Сама посмотри, — не по-детски сурово проговорила она.

Черный кот — это всего лишь кусок толстого одеяла, подбитого ватой. Снаружи черный плюш, черная круглая голова с ушами и глазами-пуговицами. А внутри красный, как кровь, атлас. Даже жутко.

Вдоль всего туловища шел рядок пуговиц, застегивающих игрушку. Я распустила их и ахнула, увидев сокровище Лиззи.

— Ну? — произнесла девочка, вытягивая шею.

— Это... это же луковицы редких лекарственных растений! — только и смогла выдохнуть я. — Целое состояние стоят! Вот эти, — я показала Лиззи россыпь мелких белых горошин, — медоцветы. От любой боли и хороши! А вот эти, синие — это сонники. От судорог. А эти, — я взяла желтую плоскую луковицу, похожую на гладиолус, — двуцветники.

Эти и мертвого поднимут на ноги!

Эти двуцветники и в самом деле похожи на гладиолусы. Такие же луковицы, желтые и бордовые. Цветут такими же цветами, огромными белыми, или алыми и багровыми.

Только дважды в год.

Первые цветы отцветают в мае, опадают и дают крохотные твердые плоды. Эти плоды хороши от отравлений. Все симптомы убирают. Идеальное противоядие.

Вторые цветы цветут осенью. Их плоды рыхлые, похожи на крохотные ранетки. И вот они опасны. Яд, сильнейший и опаснейший. Но если умеючи развести его в воде, совсем крохотную часть, то им можно вылечить и безнадежно-го больного. От любой болезни. Хоть бы и от чумы!

Несколько сушеных зрелых плодов лежало тут, в расстегнутой игрушке Лиззи.

Наверное, Клотильда хотела их посадить у себя, продать и разбогатеть...

Луковицы были отличные, крепкие, сухие. Ни пятнышка гниения. Лиззи хорошо их сохранила, отогрела.

— Ты же не будешь возвращать их Клотильде? — осторожно спросила Лиззи. — Она все равно подумала, что их съели крысы. Она положила мешок на печку, в тепло. И крысы его правда прогрызли. А если мы их вернем, то она нас может побить.

— И даже хуже, — вздохнула я. В моем теперешнем состоянии в тюрьму совсем не хотелось.

— Хватит этого, — с сомнением в голосе произнесла Лиззи, — если их продать, конечно, чтоб дом отстроить?

Я вздохнула.

Можно было б сказать девочке «нет», чтобы распорядиться этим богатством самой. Но лгать я не хотела.

— Наверное, хватит, — вздохнув, ответила я. — Ну, отстроим мы дом. А что будем есть? Чем топить его?

Лиззи почесала макушку.

— Может, лучше пустим их в дело? — робко предложила я.

— Это как? — спросила Лиззи.

— Посадим. К весне соберем первый урожай с двуцветников. Я наделаю мази и настойки. Их и будем продавать. За лето и дом отстроим, и денег поднакопим.

Лиззи вздохнула.

— Так долго... — протянула она.

— Долго, — кивнула я. — Но к цели лучше идти верными и маленькими шажками, чем пытаться прыгнуть выше головы.

...Интересно, а к какой цели шла Клотильда? Зачем ей такие растения, с которыми надо уметь обращаться с осторожностью?

И еще вопрос.

Я вдруг вспомнила свою разнесенную спальню, разбитую в щепки мебель.

А где она взяла эти луковицы? Купила? На какие деньги?

Клотильда не бедствовала, конечно. Но и настолько богатой, чтоб потратить огромные деньги на луковицы растений, не была.

И уж если она их купила, то почему мне не показала? Я-то ведь разбираюсь.

Двуцветники я видела лишь однажды. Отец показывал; и то, когда ему привезли эти крохотные плоды и ветку с цветами, чтобы он изготовил какое-то лекарство.

У нас в саду такой цветок не рос.

А тут у Клотильды целых пять луковиц! Откуда?..

—...А какая у нас с тобой цель? — голос Лиззи отвлек меня от размышлений.

— Цель? Ну, наверное, выжить? — ответила я. — И стать самостоятельными и состоятельными? Чтобы жить и ни в чем не нуждаться?

— Чтоб всегда на завтрак была колбаса, — вздохнула Лиззи мечтательно. Я кивнула.

— И это тоже, — серьезно ответила я. — Все, что мы захотим, чтоб было на завтрак!

— Ты же не будешь сердиться на меня? — повторила Лиззи немного напугано. — Я плохо поступила, но я так больше не буду! Я просто хотела наказать Клотильду!

Я лишь вздохнула.

— Не сержусь, — честно ответила я. — Должна была бы, но не могу. Воровство это... словом, вещь нехорошая. Ни-

когда не делай так. Если хочешь стать уважаемой девушкой, приличной и честной, не делай. Но сейчас... Ты ведь спасла нас. Правда. Если эти цветы у нас дадут плоды, мы сможем заработать, и ни в чем нуждаться не будем.

Да, с двуцветниками придется повозиться. Ведь если опоздать, если первые цветы раскроются в июле, то осенних с их ядовитыми плодами можно и не ждать. Считай, год прошел зря...

— Если?..

В голосе Лиззи слышалось разочарование и тревога. Я лишь кивнула:

— Если б все было так просто, эти цветы росли б у каждого в саду. Но они не растут, не так ли? Да и у Клотильды вряд ли выросли бы... За ними особый уход нужен.

— Это почему — не выросли бы? — удивилась Лиззи.

— Потому что отогревать их надо в ящике с песком, на солнышке, а не на печке, — улыбнулась я. — У Клотильды на печке они б испеклись, как яблоки в карамели. Это раз.

— А два?

— О, ты и считать умеешь?

— Умею. Мама учила, — серьезно ответила Лиззи. — Ну, а что второе, сестрица?

— А второе, — вздохнув, ответила я, с сожалением рассматривая крепкие луковицы, — это то, что сажать их надо уже сейчас. А у Клотильды ни умений, ни инструментов, ни готовой грядки для них нет.

— Сейчас?! — вскричала удивленная Лиззи. — Куда?! В снег?!

— То-то и оно, что не в снег, — ответила я. — Сначала в ящик, на окошко, ближе к солнцу. Потом, когда ростки появятся, в землю. В теплицу. Для этих цветов строят особые теплицы.

Я вздохнула, припоминая мои теплицы. Теперь от них мало что осталось.

— Так давай посадим, — не унималась Лиззи. Видно, она очень хотела, чтоб ее луковицы с именами проросли, а не погибли. — Ящики-то у тебя есть? Ты же раньше занималась цветами. Сама говорила. Прораstim, потом пересадим в теплицу!

— Клотильда их все побила, — ответила я глухо. — Ты же видела.

— Это те стеклянные домики в саду?

— Ну да.

От теплиц остались лишь остова. Деревянные каркасы.

Стекла, драгоценные и дорогие, были уничтожены.

Клотильда тогда кудыхтала что-то о том, что не заметила их. Собирала лопаты, задела... А я теперь думаю — она нарочно швыряла камни, чтоб расколошматить как можно больше. Что ж за человек такой!

— Да зачем они теперь тебе, — приговаривала она. — Не переживай из-за этих стекляшек!

А я, счастливая, полная любви к красавцу-мужу, думала,

что в моей новой жизни они и правда не понадобятся.

Вот, понадобились... да и новая жизнь как-то слишком быстро кончилась.

— Мы можем попытаться вырастить их в торфяном ящике, на окне, — сказала я.

— Но может не выйти, так?

Я лишь кивнула.

— Они любят простор. Много света. Корни у них длинные. Торфяной ящик им очень скоро будет мал... Даже, наверное, придется один ящик ставить в другой. Потом в третий...

Лиззи наморщила лоб.

— Но у тебя три домика... было.

— И что же? Они все разрушены.

— Но кое-что осталось. Из трех можно собрать один.

Я улыбнулась. А ведь верно!

— Наверное, можно было бы. Но там осталось слишком мало стекол.

— А ты возьми из дома, — упорствовала Лиззи. — Из окон. Право же, зачем они теперь там? Все равно никто не живет. А потом вставим обратно.

Я даже дышать перестала.

Нет, это невероятно, это невозможно! Как это я сама не додумалась?! Ай, да Лиззи!

Мне показалось, что я снова встречаю Новый год, разворачиваю подарок, не веря сама себе, а в моих руках именно

то, чего я желала больше всего!

— Ну да, — хмыкнула я, — может получится... но холодно... А в теплице ветер гуляет.

— Заделаем все швы снегом и польем водой, — весело сказала Лиззи. — Знаешь, как в снежном фонарике?

— Ага, — произнесла я. — Но земля мерзлая. Ее долго отогревать надо.

— Постели там солому и пусти курочек, — засмеялась Лиззи. — У них же тепло? Они отогреют. И в теплице будет тепло. Ну, уж недельку-другую Клод и Женестьева посидят в ящике с песком на окне!

— Клод?!

Лиззи серьезно кивнула.

— Я так луковицы назвала, — ответила она. — Вот эта, самая яркая, самая красная — это Клод. Смотри, какие щеки надул! Серьезный. А вот эта, светленькая — Женестьева. А эта Жюли. Она сама не знает, какая будет, красная или белая...

Лиззи умоляюще посмотрела на меня.

— Я не хочу, чтоб они испортились и сгнили, — жалобно произнесла она. — И на печке варить их не хочу. Я их даже полюбила. Они такие красивые, крепкие, яркие. Давай попробуем их прорастить, сестрица? Я буду помогать тебе ухаживать за ними!

— Ну, давай, — тихо, с улыбкой, ответила я.

День обещал быть хлопотным.

В курятнике я нашла целых четыре яйца! Не густо, но позавтракать нам удалось.

Сразу после завтрака я оставила Лиззи мыть посуду, а сама пошла осмотреть теплицы.

Они стояли на солнечном месте и выглядели плачевно. Две из них можно было просто разломать и выкинуть. А вот третья, самая маленькая, которая была чуть поодаль, ближе к яблоням, сохранилась неплохо. У нее вся крыша была целая! Даже снег ее не испортил, не продавил. Наверное, Клотильда выбилась из сил, и на эту теплицу ее злости просто не хватило.

— А нам больше и не надо, — радостно сказала я. — Нечего у нас нынче сажать. Только Клод и Женевьева.

Стены, конечно, были побиты. Но Лиззи была права — из двух других теплиц можно было выбрать уцелевших стекол и приладить их на место разбитых.

Но вот отогреть... как быстро отогреть то, что греют долго?

— Ладно, — ободрила я себя. — Главное ведь попробовать?

Внутри теплицы я откидала снег, наваливший сквозь побитые стенки. Собрала битые стекла, очистила от сухих стеблей прошлогодних растений. Земля, конечно, была промерзшая. Я попробовала долбить ее, колоть топором — как камень.

— Долго отходить будет, — пробормотала я. — Как бы твоему Клоду не пришлось сидеть на подоконнике до весны, Лиззи...

Но лиха беда начало.

Потихоньку, по одному, я перенесла уцелевшие стекла, отогнув удерживающие их гвоздики. Дело это кропотливое. Одно неловкое движение — и стекло будет испорчено!

Но благодаря тому, что я сосредоточилась на работе, дурные мысли больше не лезли в голову.

Я вставляла стекло за стеклом, медленно, постепенно, и вот уже один стеклянный домик цел.

Внутри него было ощутимо теплее. Главным образом потому, что ветер сюда не задувал, да и яркое солнце нагревало землю.

— Ну, все равно холодновато для Клода, — шмыгая носом и посмеиваясь, произнесла я.

Пришла Лиззи, волоча ведро с водой и пыхтя от усердия. Вместе с ней мы снегом залепили щели между рамами и стеклами, и наша теплица заблестела на солнце ледяной коркой.

Внутри, чтобы хоть немного согреть землю, развели костер, открыв над ним окно для проветривания. Совсем небольшой, чтобы только нагреть стекла и растопить снег. Вода просочится в мелкие щели и закупорит их все.

Снег на крыше потек, растаял. Закапало, как весной. Я костер притоптала и закрыла оконце. Внутри было тепло, как

ранней весной.

Кур снова пришлось потревожить.

Вилами я вытащила всю подстилку, что настелила им накануне, накидала ее на санки. Поверх соломы лопатой накидала куриного помета. Ух, сколько ж его! Вроде, клетка маленькая, а чистить ее пришлось долго. Да и санки с поклажей мы потом еле сдвинули вдвоем с Лиззи.

Но зато теперь у кур стало чисто и сухо.

Лиззи оказалась шустрой помощницей.

Несмотря на свой юный возраст, она соображала, что надо делать. Видно, у Клотильды никто не считался с тем, что она ребенок, и работу ей задавали наравне со взрослыми.

Пока я раскидывала куриный помет в теплице, она по клочку, по охапке наносила соломы курам, аккуратно распределив ее по всему полу. В курятнике стало сухо, чисто, свежо. Этак куры нестись охотнее будут!

С ней вдвоем мы справились намного раньше, чем если б я одна все делала.

— Ну, пока вот так, — сказала я, закончив с теплицей. — Вечером попробую еще раз развести небольшой костерок там. Совсем немного погреть ее изнутри. Авось, отопреем.

К обеду, умывшись, приведя себя в порядок и немного отдохнув, мы засобирались в поселок. Надо было попытаться продать свое мыло, и хотя б один пузырек с розовым маслом.

Я взяла побольше тяжелых пахучих кусков темного хозяйственного и всего четыре пачки ароматного туалетного.

Лиззи же снова взяла с собой своего кота, набитого луковичками.

— Пока нет ящика с песком, пусть со мной побудут, — сказала она.

— Главное, не делать хмурых лиц, — сказала я, прибирая Лиззи волосы. — Мы, конечно, не одеты как графини, но уж точно не побирušки. И товар у нас самый лучший. А лица чистые и румяные. Это потому, что мы умывались этим чудесным мылом! Поняла? Всем так и говори.

Положив все это добро в корзинку да сунув флакон с маслом за пазуху, я усадила Лиззи на санки, и мы двинули к поселку.

Все-таки, я окрепла за эту пару дней, что жила не у Клотильды.

И тут дело не только в том, что я потихоньку стала есть и дышала не смрадом ее душного дома, а свежим воздухом родного сада. Но и травы; мои травы, которые я умело подбирала, давали мне сил.

Ела я хоть и мало, но вволю. Ровно столько, сколько мне хотелось. Спала спокойно, не вздрагивая от каждого шороха, и не видя душных кошмаров во снах.

Силы стали прибывать ко мне.

Думала, до поселка буду добираться вечно. Но пришла очень скоро, всего за полчаса, хоть и приходилось тащить санки с Лиззи.

В поселке было оживленно. Солнечная морозная погода

располагала к прогулкам, да и скоро праздник... Люди заготавливали мясо и сыры для угощения. Елки несли из леса.

Лиззи крутила головой, рассматривая улицы, прохожих, товары в витринах.

Полосатые красно-белые конфеты к празднику, колбасы, караваи хлеба — все это манило ее. Она то и дело громко вытягивала слюнки, насмотревшись на лакомства, и крепче сжимала ручку корзинки. В глазах ее была надежда. Но вслух она ничего не просила.

Бедный ребенок.

Баловал ли ее Жан, ее отец, сладостями?

Вряд ли.

Он даже не заботился о том, сыта ли она, одета ли. Какие уж тут конфеты.

Как же так можно относиться к собственному ребенку?

Несмотря на то, что она очень похожа на Жана, такая же красивая, синеглазая, я не испытывала к ней неприязни. Симпатию, где-то жалость, но не ненависть. Нет.

Да, я понимала — это его кровь, его плоть. Того человека, который меня, по сути, ограбил и вышвырнул из жизни. Из своей, из моей собственной.

Но было в девочке нечто, чего в Жане не было. Готовность отвечать добром на добро и благодарность.

Он-то любил, чтоб ему все приносили на блюдечке. Все выискивал, чем бы поживиться. Выгоду для себя искал.

А в малышке этого не было.

Она была бескорыстной и открытой добру, несмотря на все горе, что уже успела пережить. Хотела верить и хотела искренне любить.

А еще она была упрямой, ух! Не то, что Жан, этот ленивый хитрец...

Поэтому о малышке Лиззи я вдруг подумала, как о своей дочери. Как будто я была ее матерью.

«Она моя! — твердо решила я. — И не важно, что мы не родные. Она моя, и точка».

Глава 4. Мыло и ножка от стула

В одну из лавок, торгующих всякими сувенирами и безделушками, мы и заглянули.

Хозяйка встретила нас неприветливо. Две оборванки, наверняка кланчить что-то станут?

— Чего надобно? — рыкнула она. — Сегодня милостыни не подаю.

Но я, несмотря на ее недобрый взгляд, весело ей улыбнулась, и произнесла:

— Доброго дня, хозяйюшка. Не посмотрите ли наш товар? Может, возьмете?

— Товар? — удивленно вскинула брови она, оглядев меня с головы до пят. — У вас?

— Ну да, — я улыбнулась еще шире, взяла у Лиззи из корзинки кусок мыла в подарочной упаковке, перевязанной тоненькой ленточкой. Протянула его женщине. — Мыло. Для девиц. Мыть волосы, чтоб блестели, лица, чтоб были чистыми. Приятно пахнет. Хорошо пенится.

— Хм, — протянула хозяйка, принимаясь к куску. Он пах розами. Острый, настоящий аромат.

— Где взяли? — строго спросила хозяйка лавки. — Мне ворованного не надо!

— Мы не украли! Это наше! — выкрикнула Лиззи сердито.

— Отец мой сам сварил, — мягко ответила я. — Аптекарь из рожи. Помните такого?

— А-а-а, — протянула лавочница. — То-то я смотрю, лицо у тебя знакомое. Аптекарская дочка, стало быть? И что, верно хорошо твое мыло?

Я, ни слова не говоря больше, стащила с головы платок, встряхнула волосами.

Волосы, с которыми я так долго возилась, были у меня все-таки чудесными. Словно тонкая льняная пряжа. Не зря я их расчесывала и распутывала!

Сплетенные в косу, они лежали на плече, сверкая, как светлое золото с платиной.

И лицо у меня было чистым, светлым. Ни прыщей, ни болячек. На морозе зарумянилось, поэтому нездоровой бледности не видно было.

— Хм, хм, — повторила хозяйка, разглядывая меня, мою распущенную косу. Даже потрогала светлые пряди.

Тут сунулась Лиззи, изо всех сил крутя красной от мороза мордашкой, улыбаясь и тоже демонстрируя светлые коски и свою красоту.

— Ну, пожалуй, давайте, — произнесла, наконец, хозяйка лавки, смягчившись. — Сколько за штуку?

— Четыре медных, — весело ответила я. — Уступлю за три, если по медяку еще и это мыло возьмете.

И подала ей хозяйственное.

— А это что? — настороженно спросила женщина.

— Это для стирки хорошо, — серьезно ответила вместо меня Лиззи. — Если уронить на фартук масло, и сразу же затереть этим мылом, то и пятна не останется!

Этому я ее научила. Из уст малышки это звучало просто готовым рекламным слоганом. Словно ребенок уже попадал в эту ситуацию и с помощью этого мыла все исправил.

— Попробовать можно? — настороженно произнесла хозяйка лавки.

Она тут же смочила краешек своего фартука, намылила его, вспенила. Немного потерла. И эта частичка ткани стала белой-белой!

— Если его накрошить в чан да прокипятить белье, — сказала я, — будет кипенно-белым. А если мыть руки и ноги, больные грибком, то вылечить можно. Да и верного пса вылечить, если подхватит лишай или чесотку.

— А давай, — ответила лавочница. — Все возьму.

Мы тщательно пересчитали куски, и лавочница аккуратно выплатила за каждый, выложив каждую монету отдельно.

— Если еще будет, приноси на следующей неделе, — смягчившись, сказала она.

— А розовое масло? — осмелев, произнесла я.

Лавочница лишь покачала головой.

— Дорогое оно, — заметила она с сожалением.

— Из него можно духов наделать, — с надеждой ответила я.

— Так это кто умеет, — возразила лавочница. — А во-

обще, в магазине с лентами и нарядами можно попробовать продать. Может, возьмут.

У меня руки дрожали, когда я собирала медяки и чуть не плакала.

Этого было совсем немного, но призрак голодной смерти отступил еще на шаг. Он уже больше не пугал до головокружения и был всего лишь бледной тенью.

Лиззи блестящими глазами наблюдала, как я пересчитываю деньги и молчала. Она наверняка хотела что-нибудь выпросить себе, как любой ребенок. Но, наученная суровой жизнью тому, что люди злы и жадны, помалкивала.

Но разве можно отказать, когда на тебя смотрят такие глазенки?

— Сударыня, — спросила я, когда лавочница принялась живо раскладывать наше мы на витрине. — А вон те полосатые конфеты у вас сколько стоят?

— Медный за десять штук, — ответила лавочница, явно довольная сделкой.

— Давайте! — сказала я, возвращая ей медяшку. У Лиззи глаза так и просияли, она, уже не сдерживаясь, жадно протянула руку к лакомству, и тотчас затолкала в рот купленную конфету.

— С наступающими праздниками вас! — произнесла я весело, и мы с Лиззи вышли и двинули к лавке, где торговали лентами, бусами и пудрой.

Там хозяйка была не так сговорчива, и отказалась брать у

непонятных нищенок пузырек с ароматическим маслом.

— Кто там знает, чего вы намешали туда! — сердито ворчала она. — Вот так возьмешь розовое масло, а внутри вода!

А вот девица, что зашла за новыми кружевами, заинтересовалась.

— Отдам за один серебряный вместо двух, — уверенно произнесла я, вынимая из-за пазухи пузырек.

Я откупорила крышечку, аккуратно мазнула ею по подставленному запястью девушки. Аромат роз разлился по всей лавке, острый и свежий.

— Аккуратнее с ним, — произнесла я, видя изумление и радость на лице девушки. — Понемногу совсем его использовать. Можно добавлять в крема, в помаду...

— Что такое помада? — спросила девица, и тут настала моя очередь удивляться.

— Помадой не пользуетесь? — спросила я. Девушка лишь потрясла головой отрицательно. — Ну, губы подкрашивать, щеки румянить... Нет?! Это было б неплохо исправить... Обязательно подумаю над этим...

Серебряный переключался ко мне в карман, а Лиззи показала язык неговорчивой хозяйке лавки.

Теперь можно было б купить немного еды, кой-чего нужного по хозяйству.

Вышли мы из лавки гордые, как две богачки. Еще бы! Целый серебряный! За год жизни с Жаном у меня сроду таких денег не было в руках. Все мое приданое Клотильда попря-

тала по сундукам. Она же распоряжалась и финансами. А я не то, что в лавку — дальше двора никуда не ходила. Ведь дома всегда была работа...

Сто лет не была в лавках!

Хотелось сейчас же потратить все деньги на какую-нибудь милую ерунду. На те же духи, на красивую юбку, на грёбенки. Отчаянно хотелось быть красивой. Ну, украсить себя хоть немного! Нищенский наряд тяготил, давил на плечи.

Но я себя сдерживала.

«Ничего, ничего, — подбадривала я себя. — Настанет время, и я буду тоже покупать и ленты, и красивые рубашечки...»

Посасывая полосатые праздничные конфеты, мы с Лиззи зашли и к молочнику, и к мяснику. Купили масла, немного молока.

У мясника — самого чистого, белого жира и крохотный кусочек колбасы.

В другой лавке купили мешочек крупы и краюху хлеба. С этим уже и домой веселее возвращаться!

Еще, напоследок, зашли к пасечнику. И у него за честные наши медяшки я купила чистого желтого воска и немного меда. Остался всего пяток монет. Ну, не беда! Зато серебряный остался при мне!

— Это зачем? — удивилась Лиззи. — Мед понятно. Это вкусно. А воск?

— А вот увидишь! — таинственно ответила я. — Помаду

варить станем.

— Что за помада такая?

— Что-то вроде нашего мыла. Только то мыла лицо становится белым, а от помады, наоборот, розовым. Розовые щеки, розовые губы.

— Красиво! — как зачарованная, протянула Лиззи. И я поняла, что от нее помаду придется прятать. Та еще кокетка растет!

Санки везли вдвоем, потому что одной мне было тяжело. Я тянула за веревочку, Лиззи подталкивала сзади и следила, чтоб ничего не выпало и не потерялось.

На выходе из поселка, на повороте, мы затормозили. Перед нами со двора зажиточного крестьянина выворачивала телега, груженная навозом.

— Эй, милейший! — крикнула я вознице. — Ты куда это добро везешь?

— Знамо куда, — ответил он мне сонно, кляя носом. — На поле. Где ж оно еще пригодится.

— А не отдашь это мне за пять медных?

Возница даже проснулся. И чуть шею себе не свернул, обернувшись ко мне.

— Тебе зачем? — удивленно спросил он, смерив меня взглядом.

— Травница я, — пояснила я ему. — Грядки делать буду. Выращу лечебные травы, тебя вот лечить стану.

Он усмехнулся.

— Пять медных, — произнес он, — маловато будет.

Я с нарочито безразличным видом пожала плечами.

— Ну, что ж. Мало, так мало. Найди того, кто предложит больше, — сказала я и снова взялась за свои санки.

— Ладно, ладно! — тотчас согласился возница, увидев, что я собираюсь уходить. — Давай свои медяшки да говори, куда везти.

Словом, из поселка мы доехали до дома в четверть часа.

Около нашего флигеля возница выгрузил наши санки, ссадил меня и Лиззи. А сам поехал поближе к теплице, сгрузить поклажу.

Мы же поднялись по ступеням... и я сразу поняла, что в доме кто-то есть.

Потому что на заснеженной лестнице были чьи-то следы. Слишком большие для наших с Лиззи. И перья — бог мой, да этот негодяй нашу курицу убил! Весь крохотный дворик перед флигелем был усеян черными перьями! Бедняга Чернушка, наверное, была старой, не сумела удрать!

На пеньке кровь; там он ей голову срубил...

— Ах ты, зараза, — прошептала я, чувствуя, как ярость закипает в висках, сводя с ума.

Красть у голодных?!

Это у кого рука поднялась?!

— Сестрица, — испуганно пискнула Лиззи, прячась за мою юбку. — Может, дождемся возницу? Пусть он посмотрит, кто там у нас шарится! Самим-то боязно!

— Боязно?! — рассердилась я. — А вот он сейчас слопает наши яйца, наше масло! И мыло оставшееся утащит! Вот что боязно! Как жить будем? Ну, я его...

Подхватив из кучи обломков мебели ножку от стула, я решительно ступила на лестницу и распахнула дверь.

Ну, можно было догадаться, кто тут орудует!

Клотильда, шарящая по нашему тощему тюфяку, так и замерла, согнувшись в вороватой позе. На столе красноречиво была расстелена тряпица, на которой уже лежало то, что она у нас собирала и хотела увязать в узелок. Мыло в красочных обертках, огарок свечи, мои шелковые нити и серебристые ножнички...

— Тебе чего тут надо? — окрепшим голосом сурово рявкнула я. — Ты чего тут хозяйничаешь? Кто позволил у меня в доме мое добро трогать? А ну, пошла вон отсюда, пока я тебя не прибила!

И я угрожающе замахнулась палкой.

Клотильда, отойдя от первого испуга, ослабилась и неторопливо выпрямила спину. На ее красной роже радостью засияли масляные, гадкие глазки, улыбка голодной крокодилицы скользнула по тонким, злым губам.

— Ишь, ты, — прошипела она, буравя меня недобрым взглядом. — Не сдохла... Шваль подзаборная... Я-то думала, замерзнете в первый же день, ан нет. Живучие, гадины. Ничто вас не берет.

Само присутствие Клотильды, казалось, несет грязь. Весь

наш начисто выскобленный пол был в соломе и в ее грязных следах. На столе лежала неошипанная курица. И перья валялись повсюду.

— Я тебе сейчас покажу, кто тут шваль, — огрызнулась я. — Ребра-то пересчитаю! По указу Господаря любой вор подлежит казни. Поэтому с меня и не спросят, если я тебя на смерть забуду.

— Ты посмотри, как заговорила! — усмехнулась Клотильда, уткнув руки в боки. Меня, тощую и маленькую, она, конечно, не боялась. — Кто это тут вор? Тут все мне принадлежит. Мне и сыну моему. Мужу твоему.

— Не принадлежит, — едко ответила я. — Дом этот в моем владении записан. Сын твой бестолковый не нашел на него покупателя. Или не успел. Где он сам? Нету его. Может, умер давно. Если он мне и господин, то ты-то точно не указ. Так что ты воровка. На мой порог тебя никто не звал.

— Убила нашу курицу, ведьма! — звонко заверещала Лиззи, высунувшись из-за моей юбки.

— Звереныш! — рыкнула, как собака, Клотильда. — Удавлю!

Я больше не стала ждать; размахнувшись, треснула ее что было сил палкой по чему пришлось. Пришлось по плечу, и, видимо, чувствительно. Потому что Клотильда завизжала, ну что твоя свинья.

— Ах ты, стерва! — выла она, потирая ушибленное плечо. — Да я же тебя!..

Я снова замахнулась на нее палкой, но на этот раз Клотильда ее успела перехватить.

Лиззи, увидев, что старуха побеждает, накинулась на нее и, вцепившись в ее одежду, куснула старуху что есть сил куда придется.

Пришлось в дебелую задницу.

Собираясь к нам, Клотильда пожалела хорошую юбку. Думала, верно, что испачкает или изорвет. Поэтому надела тонкую, старую. Зубки Лиззи сквозь нее да рубашку надежно ухватили жирную кожу бабки.

— Ой-ой-ой! — заверещала Клотильда, закрутившись волчком и пытаясь руками нащупать позади себя впившуюся намертво девчонку. — Звереныш, выродок! Ах ты, волчье семя!

Она, наконец, справилась с ребенком и оттолкнула Лиззи от себя. Та упала мне на руки от грубого тычка Клотильды. В зубах ее был зажат клочок коричневой ткани, вырванный из одежды Клотильды.

— Бабку родную покалечила, — ахала Клотильда, заметно хромая на одну ногу и потирая уязвленную задницу. На мой взгляд, так больше кривлялась, чем ей было больно на самом деле. А жаль!

— Лучше со змеями родниться, чем с тобой! — яростно выдохнула я.

— Ты мне не бабка никакая! — прокричала Лиззи, сер-

дито сверкая глазами.

Клотильда снова осклабилась, даже о боли своей забыв.

— Ее защищаешь, да? — елеинным голосом пропела она.
— С ней лучше родниться? А ты знаешь, что если б не она, если б не эта ведьма тощая, отец твой не бросил бы твою мать? И ты жила б сейчас, как сыр в масле каталась! Но она явилась, разлучница! Это все она виновата! Она!

Лиззи ничего не сказала.

Наверное, просто не смогла и слова вымолвить от боли. В ее огромных глазах застыла такая обида, такой ужас, что я не смогла и слова в свое оправдание сказать.

А Клотильда, счастливая, что причинила такую чудовищную боль, продолжала:

— Она ему голову заморочила! Соблазнила! Что, хороша родня? Думаешь, ты нужна ей? Да вот еще! Просто за Жаном наследство тебе полагается! Вот эта проходимка и хочет тебя к себе поближе держать! А так ты ей и даром не нужна!

— Неправда! — заорала я, отойдя от шока. Стыд глодал меня, я не могла смотреть в глаза Лиззи. — Неправду говоришь, сволочь! Если б я знала о том, что у Жана есть женщина и ребенок!.. Но он такой гад, как и ты! Разве он хоть словом обмолвился о том, что не свободен?!

— О, о, о! — закудаhtала Клотильда, довольная. — Ишь, как заговорила!

— Разве ты предупредила меня, когда Жан ввел меня в ваш дом, что у него есть дочь?!

Клотильда только хохотала, упиваясь моим бессильным стыдом и бесполезными попытками оправдаться перед девочкой, которой сейчас очень и очень больно...

— Тварина! — ее хохот вывел меня из себя настолько, что я налетела на нее со своей палкой и обрушила целый град ударов на ее ненавистное хохочущее лицо.

Палка здорово помогла. Клотильда, получив по губам и по лбу, тотчас перестала смеяться, как припадочная гиена, и снова закричала от боли.

Она уж было хотела сцепиться в меня и повалить на пол. Но тут двери распахнулись, и на пороге возник наш возница с лопатой, которой он скидывал навоз.

Обстановку он оценил мигом.

— Воровка! — взревел он. Размахнувшись лопатой, он влепил ею Клотильде поперек спины. Да так, что у нее хребет хрустнул. Она выгнулась, ну что змея, беззвучно хватая ртом воздух. И глаза у нее из орбит полезли.

— Ведьма старая! — проорал возница яростно и снова огрел ее лопатой, оставив на широкой спине Клотильды навозный след. И наверняка синяк на половину бока. — Зашибу, воровку! На костер нечестивицу! Сирот оббирать вздумала! Смерть воровке!

Клотильда, воя, словно драная раненная кошка, рванула к дверям, получив по пути еще хороший удар грязной лопатой по голове.

Слетела по лестнице и, хромя и вопя, помчалась по до-

роге, унося на одежде следы свежего навоза. А сама забыла у меня свою шубу, которую скинула, чтоб удобнее было орудовать. И платок, в который складывала наши немудреные припасы.

А я осталась на поле боя, дрожа, как подстреленная дичь.

— Спасибо вам, — вымолвила я, когда вопли Клотильды стихли вдали. — Одна я бы с ней не справилась.

Возница, сокрушенно качая головой, оглядел наш домик.

— Одна ты со многим не справишься, — сурово заметил он. — Их-ма, сердца у некоторых нет! Последние крохи хотела ведь стащить, старая ведьма! Ну, теперь-то поостережется сюда явиться. Да и с лавки не скоро встанет. Полежит неделю-другую кверху задницей, пока синяки сойдут.

— Да, да, — согласилась я, переводя дух. Наверное, Клотильда и вообще сюда больше никогда не явится. Одно дело воевать со мной, и другое — с женщиной. Клотильда ведь испорчена донельзя. Наверняка подумала, что я этого мужчину подцепила где-то, чтоб с ним сожительствовать.

Ну, это и к лучшему. Пусть так думает...

Возница еще раз огляделся, словно проверяя, все ли в доме цело, и вдруг спросил:

— Во дела, а малая-то где?!

Лиззи, малышка Лиззи!

Глупый ребенок! Удрала на мороз, в темнеющий вечер! В раскрытую дверь, следом за Клотильдой!

Клотильда сделала ей больно, очень больно. Лиззи ведь мне поверила, потянулась всей душой. Сестрой назвала. И каково ей было узнать, что я виновна в том, что мать ее, вероятно, сейчас мертва?

Я испытывала муки совести, хотя, по сути, и виновна-то не была.

Но как оправдаться перед собой, если ребенок убежал на мороз?! Как утешиться?

Вознице я ничего не стала объяснять. А сам он подумал, что девочка напугалась драки.

Мы с ним зажгли фонари, разделив огарок свечи надвое, и пошли по саду искать Лиззи.

— Не бойся, — поддерживал меня мужчина. — Далеко уйти она не могла, больно маленькая. Сейчас отыщем!

«Маленькая! — с горечью подумала я. — Больно ты Лиззи знаешь!»

Он пошел бродить по саду, а я свернула на дорогу.

Сердце подсказывало мне, что Лиззи поступила не как ребенок. Она не стала бы прятаться в сарай к курам, где тепло. Она ушла не для того, чтобы привлечь к себе внимание. Она действительно ушла — навсегда.

Минут пять я брела по дороге, освещая фонарем снег, пока не заметила маленькую кочку, занесенную снегом. Коричневый подол, на котором поблескивали вышитые зеленой атласной лентой ландыши...

— Лиззи!

Я бросилась к ребенку, подхватила ее на руки.

Девочка молчала.

— Лиззи, разве же так можно! Ты же могла погибнуть! Или замерзла, или собаки задрали бы! Лиззи! Захотела уйти? Ты на кого меня собралась покинуть? А как же я?

— Клотильда сказала, — вымолвила Лиззи, дрожа всем телом, — что я не нужна тебе...

Она вдруг обхватила меня обеими руками и уткнулась лицом в грудь, беззвучно плача.

— Клотильда много чего говорила, — твердо произнесла я, обнимая замерзшую девочку. — Да только ни слова правды. А ты будь мудрее. Смотри не на слова, а на дела. Почему ты не мне веришь, а Клотильде? У нее под языком иглы и яд. Она весь мир бы отравила. А ты ее слушаешь.

Уже почти совсем стемнело, когда мы вернулись. Я несла Лиззи, а она так и не выпускала меня из своих объятий.

Поблагодарив своего нечаянного помощника и отпустив его, заверив, что у нас все хорошо, я вошла в дом.

— Ну, вот, все простыло, — сказала я. — Скорее надо топить печь да греться! И поесть не помешает.

Лиззи на груди у меня всхлипнула.

— Прости меня, сестрица, — шепнула она.

— Ничего, Лиззи, — серьезно ответила я. — И ты меня прости. Я знаю, как бывает обидно. Знаю, как это больно — когда тебя обманывает самый родной человек. Я тебя не ви-

ню. И не сержусь на тебя. Только и ты... верь мне, Лиззи. Я этого очень хотела бы. Ты мне нужна. И я потерять тебя не хочу!

Глава 5. Аптекарская наука

К вечеру Лиззи закашляла, у нее поднялся сильный жар. Она начала бредить.

Намерзлась за день, да еще и в вечер убежала.

— Ах, глупая бабочка, — шептала я, трогая ее горячий лоб. — Ну, каково болеть? Будешь теперь меня слушаться? Не станешь убегать?

— Если выживу, — тихо ответила Лиззи. — Но, наверное, я умру. Как глупо вышло... А могла бы жить с доброй сестрицей... Ты бы меня любила?

— Я и сейчас тебя люблю, — строго ответила я. — И потом любить стану. Не болтай глупостей! Никто в этом доме не умрет! У нас ведь есть Клод? И его детки? Помнишь сушеные плоды? Они очень полезны. Сделаем из них лекарство!

— Но ведь эти ягодки очень дорогие, — бормотала Лиззи, послушно глотая теплое молоко с медом.

— Ты мне дороже, глупое дитя! — ответила я. — Да и эти ягодки растут именно для того, чтоб из них делать лекарства и лечить того, кто тебе дорог, разве нет?

— Наверное, — прошептала засыпающая Лиззи.

А я задумалась.

Ну, предположим, у Лиззи просто сильная простуда. А если нет? А если что-то серьезнее? А если сама я заболею, кто

меня на ноги поднимет?

Словом, когда Лиззи забылась тяжелым горячечным сном, я решилась. Сварю лекарство!

Это ведь глупо, иметь на руках такие редкие растения, и ничего с ними не сделать.

Я пошла в дом и принесла к нам во флигель оборудование из кабинета аптекаря.

Бережно перенесла тонкостенные колбы и реторты. Фарфоровую ступку и пестик. Аптекарские точные весы с крохотными гирьками и щипчиками, чтоб их брать. Маленькую спиртовку. Пыльную старую банку со спиртом. И, самое главное — драгоценную книгу с рецептами.

— Ох, да только б все вышло! — бормотала я, раскрывая страницу на нужном рецепте. — Ничего тут сложного же нет? Делали же мы в школе опыты на уроках химии? Вот, тут то же самое. Считай, лабораторная работа...

Но это, конечно, была неправда.

На уроке все ограничивалось всего лишь эффектным опытом. Огненным фонтаном или блестками, выпавшими в прозрачном растворе.

А сейчас шла речь о жизни и смерти!

Спиртовая банка была закрыта так крепко, что я пролила немало слез отчаяния, открывая ее. Притертая крышка не поддавалась.

Что делать? Без спирта, конечно, можно изготовить лекарство, но оно будет не так сильно...

— Ну, давай же! Давай!!!

Я нагрела воды и поливала на пробку, замирая от страха. Больше всего я боялась, что банка лопнет от кипятка в моих руках, и тогда все...

Но мои усилия увенчались успехом. Крышка провернулась, пробка вдруг с хлопком вылетела, в нос мне ударил знакомый медицинский запах.

Я ощутила его с содроганием. Не так давно он сопровождал меня каждый день. Бесконечные уколы и протирания спиртовой ваткой. От спирта кожа становилась неживой, сухой, шелушащейся.

— Интересно, — сквозь зубы цедила я, капая спирт в спиртовку чуть ли не по капле, — если б двуцветник существовал в моем мире, я осталась бы жива?.. Если он лечит от любых болезней?..

Свою аптекарскую лабораторию я решила оборудовать на кухне. Кухонька была маленькая, два на три. Зато рабочий стол был большой, длиной на все три метра, как раз под окном.

Его я и приспособила под работу.

Оттерев его деревянную столешню добела, я, глядя в книгу рецептов, сполоснула нужные колбы и собрала установку, нужную для перегонки.

Из игрушки Лиззи выбрала один плод двуцветника, похожий на крохотную ранетку. Остальное оставила на месте.

— Ну, Клод, посмотрим, так ли ты силен, как говорят! —

пробормотала я.

Аптекарские весы были идеально отрегулированы. Даже спустя много времени они действовали безукоризненно. Ну, еще бы! Если взвешивать на них такие опасные яды, каким был отпрыск краснощекого Клода, то без точности не обойтись.

Плод вытянул на полторы мерки. Это такая местная мера весов.

— На одну мерку двуцветника, — читала я в книге, — четыре доли спирта... Значит, на полторы — шесть?

Я аккуратно вывела на чистом листе свою первую формулу. Главное, точно все соблюдать! Все пропорции, все действия!

— Смелее, — подбодрила я себя. — Все получится. Должно получиться обязательно! Не то...

Впрочем, о дурном и думать не хотелось.

В толстостенной тяжелой ступке черным пестиком из крепкого отполированного камня я истолкла плод двуцветника в тонкую пыль.

Он оказался ярко-зеленым внутри. Изумрудным; а порошок, в который он превратился, был ну словно толченное бутылочное стекло. Так же сверкал и казался таким же колючим.

В этот порошок я влила нужное количество спирта и добавила еще десять долей воды. Пропорции в точности, как писал аптекарь.

Мешала деревянной лопаткой, пока раствор не загустел, словно зеленая блестящая каша.

После перенесла аккуратно это месиво в колбу и поставила спиртовку — выпариваться.

Спирт растворил самое главное, целебное вещество двудветника, оставив в колбе все ненужное. Изумрудными каплями лекарство, выпариваясь, оседало на стенках стеклянного змеевика и потихоньку стекало в подставленную крохотную стеклянную чашечку.

Медленно-медленно.

Первой капли мне пришлось ждать, наверное, целую вечность.

Лиззи в комнате заходила в кашле, и я понимала: если у меня лекарство не получится, девочка разболеется всерьез. С каждым ее приступом мне казалось, что ее душа уже готова отлететь вон.

Я в панике бежала проверить ее, отереть горячий лоб, и снова неслась к спиртовке, над которой кипела ядовитая зеленая каша...

Наконец, первая капля была получена. Она сверкала как ценный изумруд на дне чашки. И я едва не расплакалась, сбросив чудовищное напряжение с плеч.

Но поможет ли она?.. Все и верно я сделала?

Я дрожащими руками развела эту каплю в кружке воды, попробовала сама.

Приятный аромат трав, ничего особенного. Ни горечи, не

сладости.

— Лиззи, детка! — позвала я, бросившись к ребенку. — Выпей это, крошка!

Лиззи вся пылала. К коже ее прикоснуться было нельзя. Казалось, она не спала, а была в обмороке от жара.

— Ну же, — ворковала я, обмирая от страха, обнимая ее за плечи и приподнимая ее голову. — Это лекарство тебе поможет! Давай, детка! Глотни! Не собираешься же ты доставить Клотильде радость, всерьез разболеться? Надо быть сильной и здоровой!

Лиззи с трудом приоткрыла глаза, ее пылающие жаром губы разомкнулись, и я влила настой в ее рот.

— Пей, Лиззи. Пей. Это твой Клод спешит тебя вылечить. Он хочет, чтоб ты увидела, как он прорастет и зацветет огромными алыми цветами!

Баюкая на руках горящую девочку, я умирала от страха. От страха, что она погибнет.

От страха, что никогда не услышу ее голос.

От страха, что останусь одна. Достанет ли у меня тогда сил, чтоб бороться, если никого не будет рядом?!

— Не покидай меня, Лиззи. А кто же будет подсказывать мне идеи? Кто будет подбадривать? Ты даже не представляешь, как ты мне нужна!

Наверное, с четверть часа я сидела с Лиззи, пока не заметила, как на ее лбу выступают бусины пота, а горящие щеки бледнеют. Тельце девочки в моих объятьях сделалось мяг-

ким и влажным, она беспокойно вздохнула, приходя в себя.

Глаза ее все еще были мутными после тяжелого болезненного забытья, но она уже меня узнавала.

— Сестрица Бьянка, — прошептала она, жмурясь от света камина, — я так есть хочу...

Я чуть не взвыла от счастья и прижала ее к себе.

— Ну, конечно, — пряча от нее слезы, произнесла я. — Конечно, хочешь! Целый день ведь голодная... будешь кашу?!

Всего выпарилось около двух долей лекарства. Оно было тягучим и густым, как крыжовниковое варенье. Я с трудом перелила его во флакон.

Остатки ополоснула кипятком, слила в кувшинчик — лечить Лиззи. Одной дозы, может, и достаточно вылечить ее простуду, но недостаточно, чтоб вылечить мои издерганные нервы.

Есть и мне хотелось ужасно.

В маленьком котелке над огнем я повесила кипятиться жирное деревенское молоко, всыпала крупу и добавила немного желтого свежего маслица, чтоб каша не пригорела.

Помешивая жирно булькающее варево с плавающими на его поверхности желтыми масляными кружочками, я посмеивалась, глядя как Лиззи, укутанная в плед, попискивает от нетерпения. Девочка выглядела ну совершенно здоровой. И это всего от одной капли?!

— Сестрица, — произнесла Лиззи бодрым голосом, — а

что это за чай ты мне дала? После него я такая... здоровая!

— Это, — посмеиваясь, сказала я, — то самое лекарство, которое можно приготовить из Клода.

Лиззи затихла, глаза ее расширились.

— Ты... ты сварила Клода, чтобы меня спасти?! — с ужасом произнесла она, и я рассмеялась.

Как будто Клод — это человек или любимое животное. Впрочем, если она считает луковицу живой, то какая разница?

— Цел твой Клод. Там же несколько сухих плодов было. Вот один я взяла.

Лиззи перевела дух.

— Я бы себе не простила, — дрожащим голосом произнесла она, — если б Клода... из-за моей глупости...

— Лиззи, это всего лишь луковица! — строго произнесла я. — Дорогая, конечно, но ты-то мне намного дороже!

Лиззи строго посмотрела на меня.

— Дорогая луковица, — повторила она. — Нам с тобой есть нечего, а ради меня целую дорогую луковицу извести!..

— Но я приготовила много лекарства, — заметила я. — Его можно продать.

— А сколько оно стоит? — спросила Лиззи.

— Сейчас гляну. В записях отца должно быть что-то написано по этому поводу.

Я оставила булькающую кашу и пошла на кухню, за книгой с рецептами.

Информация, которую я нашла, ввергла меня в шок.

— Ну, что там? — нетерпеливо спрашивала Лиззи. А я все водила пальцем по странице, пытаясь осознать...

— Лиззи, — произнесла я, наконец. — Ты выпила лекарства, Лиззи, на один золотой.

У девочки от изумления глаза округлились.

— Золото-о-ой? — протянула она. — Один золотой стоит одна луковица?!

— Одна капля, Лиззи, — ответила я. — Одна капля этого зелья! А у нас его еще половина пузырька...

Лиззи захлопала в ладоши.

— Так мы богаты! Богаты! — закричала она радостно.

Я покачала головой.

— Боюсь, что нет.

— Это еще отчего?!

— Где ты в поселке найдешь богача, готового заплатить золотой за лекарство?

— Когда помираешь, еще не столько заплатишь! — резонно заметила Лиззи.

— А пока никто не помирает, как нам быть? Что продавать? Да и как они узнают, эти умирающие, что лекарство у нас есть? — я задумалась. — Надо как-то привлечь клиентов...

— Ты же говорила, что можешь мази наварить?

Мази!

Отец варил их много. От болей в суставах, например. Ме-

доцветы и у нас росли. И сонники тоже, от судорог. Из них больше всего получалось лекарств, и продавались они хорошо. И сварить мазь проще простого.

Но как ее до поселка донести? Прямо в кастрюле?!

А покупателям разливать половником в карманы?!

Отец разливал мази по крохотным плоским баночкам, продавал по серебряшке за такую банку. Но где сейчас мне взять столько банок? Купить? А на что?

— Можно же пластырь сделать, — пробормотала я, осененная. — Ну, конечно! Мазь на пластырь нанести! И не только от болей, но и настойку двуцветника! Тогда пластырь будет не просто боль снимать, а еще и лечить! Человек попробует нашу мазь, и в следующий раз, если что-то заболит, обязательно придет и купит!

Лиззи с сомнением покрутила мордашкой, поджала губки.

— Меня лечила — минус золотой, — подсчитала она. — В мазь хочешь добавить — еще минус золотой. Сплошные убытки!

Я рассмеялась.

— А мы накинем стоимость на пластырь! Так бы продавали его по паре медяков, а с двуцветником продадим по три! Ну, как тебе план?

Услыхав это, Лиззи повеселела.

— Только не продешевь, — строго сказала она.

Клотильда из тех людей, что доставляют одни только проблемы и все разрушают одним только своим присутствием!

Нам надо было спать, я устала, да и Лиззи тоже.

Но после Клотильды, побывшей в нашем доме всего полчаса от силы, остался такой бардак, что в доме находиться было противно.

Куры вечером остались некормленные, потому что я возилась с заболевшей Лиззи! А Лиззи удрала, наслушавшись глупостей этой ведьмы старой!

Навоз свален...да кто ж его знает, как он свален и где, я же не наблюдала за вознищей! Видно, лежит теперь смерзшейся кучей посреди сада! О-о-о, Клотильда, чтоб у тебя рот смерзся! И чтоб ты не могла и слова сказать! И лопнула от собственного яда!

В доме грязно, натоптано, перья валяются.

Все не на своих местах.

Еще и курица без головы лежит на столе!

Вот курицу особенно жаль.

Но не пропадать же ей за зря? Пришлось греть воду, ошпаривать чернушку, ощипывать и потрошить бедняжку.

— Она погибла в неравной схватке со злодейкой, — Лиззи прочла небольшую эпитафию над павшей. — Я буду есть ее со скорбью в душе.

— Ты будешь лопать ее, облизывая пальчики! — рассмеялась я, дергая черные перья. — Сегодня с утра кашу доедим. А на обед сварим курицу. Попьем горячего бульона. Нам по-

лезно.

На самом деле, у меня самой слюнки текли от мысли о мясе. Пусть хоть старая курица, но я с удовольствием обгложу ее вареную ножку!

Плоды двудветника, верно, обладали волшебной силой.

Через час у меня не только прекратило ныть больное, натруженное тело, но и силы откуда-то прибыли. Уж времени за полночь, а я преспокойно разделяваю курицу и посматриваю на кухню, соображая, не навести ли там порядок прямо сейчас.

В прошлый раз я обошла ее внимание, а теперь вот она неожиданно пригодилась.

Да и на печи готовить удобнее будет, чем в камине...

— Отмою все шкафы, — размышляла я, промывая тушку изнутри, — сложим там все необходимое для производства лекарств. Печку бы побелить, а то она ужасно закопченная.

— Давай я этим займусь, сестрица! — предложила Лиззи. — Вдвоем мы быстрее со всеми делами справимся! Ты только лавку пододвинь поближе к шкафам, чтоб я достала.

— А не рано ли ты поднялась, детка? — озабоченно произнесла я. — Только что болела, и жар у тебя был. Тебе б еще полежать.

— Да что ты, сестрица! Мне вовсе уже не плохо. Лекарство твое просто волшебное. Оно мне очень помогло.

Лиззи тоже была бодра, несмотря на поздний час.

Она вымела за Клотильдой всю грязь и залезла на лавку,

мыть шкафы и посуду в них.

Клотильда не позарилась на наши миски. Видно, они показались ей некрасивыми. Простые глиняные, коричневые и темные. На них не было изображено ни райских цветов, ни блестящих кантов фальшивой золотой краской. У Клотильды такими расписными тарелками весь буфет заставлен. И иногда она позволяет своим деткам есть из них.

Глиняные миски ее не прельстили. Из таких у нее кошка мелкую рыбу ела.

Да вот теперь мы с Лиззи будем кашу есть...

Но когда Лиззи каждую из них вымыла с мылом и ополоснула в деревянной кадке, они заблестели, как новенькие. Крепкие, блестящие и круглые, что шляпки боровиков.

И на полках девочка навела порядок. А пол я потом помыла, собрав и перья, и солому, и грязь.

Как славно! Стало так чисто, что даже огонь в печи казался ярче.

Очень хотелось, чтоб наша новая жизнь началась именно с этого — с уюта, порядка и чистоты.

Закончив с курицей, я поднялась и пошла отыскиала одну из рубашек, что мы принесли из дома.

Прополоскав ее как следует, я повесила вещь сушиться у камина, а сама снова обратилась к игрушке Лиззи.

Вместе с девочкой мы выбрали несколько крохотных белых лукович медоцветов, тех, что поплоче.

— Сварим мазь от боли, — сказала я. — Боль дело обыч-

ное. Люди часто страдают от ушибов, от зубной боли. От ломоты в суставах. Такие пластыри должны брать охотно.

В начисто вымытой глубокой чашке спиртом я отмыла купленный жир.

Залила его и долго мешала, пока в спирту не растворилось все ненужное. После слила его, а жир стал белый, как облака над летним лугом.

Медоцветы тщательно взвешала, затем истолкла в ступке.

Они сочно хрустели, брызжа прозрачным соком, превращаясь в кашицу. Эту кашицу я процедила, выжав остаток досуха. А весь сок смешала с долей молока и ложкой меда.

— Эти не выпариваются полностью, — сообщила я Лиззи. — Просто немного варятся, пока мазь не загустеет.

Их я отправила кипеть с воском, а сама занялась рубашкой.

Из нее я хотела наделать пластырей.

Я распустила ее на небольшие квадратики, каждый из которых прогрела над огнем. А затем прогладила раскаленным камнем, завернутым в обрывки рубашки.

Разложив лоскуты на столе, я дождалась, когда мазь закипит, сняла ее с огня. От нее приятно пахло медом и цветами.

В горячее месиво я, скрепя сердце, капнула одну драгоценную каплю отвара двуцветника, и перемешала как следует. Мазь приобрела приятный слабый зеленовато-медовый оттенок, стала прозрачной.

Вот ее мы и принялись с Лиззи наносить на лоскутки тка-

ни, осторожно и аккуратно орудуя деревянными ложками.

Притом у Лиззи слой мази был намного тоньше моего. Хотя мазь мы черпали, кажется, одинаково.

— Нечего баловать! — сердито приговаривала она. Я лишь посмеивалась, покачивая головой.

— Из тебя выйдет рачительная хозяйка. Если, конечно, не будешь очень жадная, — заметила я.

— А хоть бы и жадная, — не уступала Лиззи. — Я не для своих жадничаю!

— Жадничать в принципе нехорошо, — заметила я. — Клотильда жадная. Если б она таковой не была, не выгнала б нас из дома.

Лиззи покачала головой.

— Она не из жадности нас выгнала. А...

— А почему? — подбодрила я Лиззи, но та смолчала. Нахмурилась и продолжила наносить мазь на ткань. И я не стала упорствовать в своих расспросах.

Немного остынув, мазь загустела, стала не такой текучей.

— Если еще подморозить ее, она не потечет и ничего не испачкает, — заметила я. — Ну, можно и на покой? Утром в поселок сходим, постараемся пластыри продать.

Но Лиззи выглядывала из-за краешка стола. В ее синих глазах стояла мольба.

— Сестрица, — умоляюще произнесла она. — А помаду? Ты забыла сварить помаду! А ведь так хотела...

Ох, и кокетка! Еле жива осталась, а чуть отойдя, уж думает о красоте!

— Милая, на для помады надо больше воска, — ответила я. — Да и краситель нужен, а у нас его нет. Мы не купили его. Лиззи надула губы.

— Если хорошо продадим пластырей, то купим еще воска, и за красителем зайдем в кондитерскую лавку, — утешила я ее. Она тотчас повеселела, потерла ручки. Ох, и пронира!

Глава 6. Аптекарские успехи

Полутру я проснулась рано, полная сил, свежая, несмотря на то, что легла уже под утро.

Голова кипела от мыслей и планов. Столько всего надо было сделать! И трудности не пугали. Я знала, что все удастся, все получится. Может, и не золотой мы сегодня заработаем, но уж на дрова, крупу, муку и маслице в коричневом горшочке хватит!

Не будя Лиззи, встала, наскоро привела себя в порядок. Для укрепления сил хлебнула ее лекарства. Причесала волосы, сплела их в косы и аккуратно уложила веночком на голове.

Из зеркальца на меня смотрела молодая привлекательная девушка. Да, о румянце во всю щеку говорить было рано. Но с лица исчезла восковая пугающая желтая бледность. Синяки из-под глаз тоже исчезли. А губы немного порозовели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.